

Валентина Горностаева

Книжка
Игра

Валентина Горностаева

Книга №2

«Accent Graphics communications»

2016

Горностаева В.

Книга №2 / В. Горностаева — «Accent Graphics communications», 2016

Книга, которую я с удовольствием представляю тебе, мой дорогой читатель, целиком состоит из весьма любопытных и, несомненно, достойных твоего внимания, записок одного интереснейшего человека. Мой герой, имеющий обыкновенное русское имя и не менее обычную фамилию – Андрей Смирнов, против своей воли оказался в затруднительной ситуации и побывал участником ряда неординарных событий. Я имел счастье познакомиться с ним более четырех лет назад, а спустя три месяца Андрей оставил мне свои бумаги и попросил: “Пообещайте хранить их и никому не показывать!” Затем он ушел и исчез для всех. Сейчас, по прошествии стольких месяцев, я считаю себя свободным от любых обязательств перед моим знакомым, так как не имею больше сил терпеть искушение поведать кому-нибудь секреты, без толку пылящиеся в книжном шкафу и в моей голове. И пускай факты, изложенные в рукописи, покажутся недостоверными, выводы надуманными, а некоторые сюжеты незаконченными, но, может быть, после ее прочтения нелогичное станет логичным, а какой-нибудь древний секрет перестанет быть таковым.

© Горностаева В., 2016

© Accent Graphics
communications, 2016

Содержание

Вступление	5
Глава 1. Встреча в поезде	6
Глава 2. Секреты сибирской степи	8
Глава 3. Отшельник	12
Глава 4. Невероятные приключения в дальнем уезде	16
Глава 5. Новая встреча	23
Глава 6. Знакомство со Старыми Хуторами	25
Глава 7. Расследование	31
Глава 8. Страшная ночь	39
Глава 9. Ещё один Андреев	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Валентина Горностаева

Книга № 2

Вступление

Книга, которую я с удовольствием представляю тебе, мой дорогой читатель, целиком состоит из весьма любопытных и, несомненно, достойных твоего внимания, записок одного интереснейшего человека. Мой герой, имеющий обыкновенное русское имя и не менее обычную фамилию – Андрей Смирнов, против своей воли оказался в затруднительной ситуации и побывал участником ряда неординарных событий. Я имел счастье познакомиться с ним более четырех лет назад, а спустя три месяца Андрей оставил мне свои бумаги и попросил: «Пообещайте хранить их и никому не показывать!» Затем он ушел и исчез для всех. Сейчас, по прошествии стольких месяцев, я считаю себя свободным от любых обязательств перед моим знакомым, так как не имею больше сил терпеть искушение поведать кому-нибудь секреты, без толку пылящиеся в книжном шкафу и в моей голове. И пускай факты, изложенные в рукописи, покажутся недостоверными, выводы надуманными, а некоторые сюжеты незаконченными, но, может быть, после ее прочтения нелогичное станет логичным, а какой-нибудь древний секрет перестанет быть таковым.

Глава 1. Встреча в поезде

По всей вероятности когда-нибудь все мы привыкнем к ужасным московским пробкам, но никогда не примиримся с тем, что они разрушают любые наши планы! Так было и в тот день, когда по обыкновению я мчался на вокзал с ощущением полного краха, но Омский скорый терпеливо стоял на перроне, поджидая пассажиров, и даже оставил несколько минут, позволив броситься в дорожный продуктовый магазин и кинуть в сумку пару бутылок водки. И если бы кто-то сказал, что сегодня для меня заканчивается старая жизнь и начинается новая – наполненная удивительными и необъяснимыми фактами и событиями, я бы не поверил! И вот почему! Будучи человеком не вполне рациональным, я привык доверять разным предсказаниям или на худший случай – предзнаменованиям и знакам. Но таковых этим днем не наблюдалось, и я спокойно вошел в свое купе, где сразу же, возмущенный леностью проводников, принялся наводить чистоту. Больше всего раздражал оставленный предыдущими пассажирами на столе книжный листок. Я схватил замасленную колбасой бумагу, скомкал и уже приготовился запихнуть под полку, когда заметил на ней довольно необычную фразу, к тому же набранную старым стилем: «Нет в этом мире ничего страшнее, чем степное кладбище». Однако сколь бы эта фраза не казалась интригующей, я не имел привычки копаться в чужом мусоре, а потому хладнокровно закончил начатое дело и уселся у окна, с лёгким интересом разглядывая симпатичных девушек без спутников, то и дело подхаживших с билетом к проводнику. Но они, к моему сожалению, рассаживались по соседним купе, а напротив меня уже минутой с небольшим восседал совсем немолодой и измученный жизнью мужчина с рыжим допотопным портфелем. Мой невольный сосед уставился в мою сторону с таким нескрываемым любопытством, что не оставалось никаких сомнений: впереди сорок часов интереснейших историй о социалистических временах, поволжских колхозах и уже состарившихся артистках советского кино. Так оно и оказалось. Никто к нам больше не подсел; поезд тронулся, и я остался один на один с почтенным Степаном Васильевичем Марковым, который, не откладывая дел в долгий ящик, тотчас приступил к изложению всех известных ему на свете фактов и событий. Я в свою очередь постарался отстраниться и относился к соседу по купе, как к радиоприемнику с давно сломанным выключателем, вежливо кивая и поддакивая время от времени. Но справедливости ради замечу, что некоторые сюжеты, излагаемые моим спутником, были все-таки любопытны, и тогда я увеличивал количество возгласов одобрения и даже задавал вопросы по теме рассказа, как случилось и в описываемый момент, когда монолог пожилого человека коснулся загадок и тайн прошлого.

Итак, Степан Васильевич поднял руку и, многозначительно уставившись на меня, произнес:

– Осмелюсь предупредить, молодой человек, что ваша поездка – самая, что ни на есть, пустая и бессмысленная трата времени и средств.

– Это почему? – удивился я.

– Потому что в неинтересные для науки места вы направляетесь!

Кстати, забыл предупредить, уважаемый мой сосед по купе являлся профессором и доктором исторических наук, а поэтому не было ничего странного в том, что все, о чем не шла речь, в конце концов, сводилось к актуальным проблемам истории.

– Можно сказать, пустые с точки зрения науки эти ваши степи Западной Сибири. Конечно, почти рядом расположены уникальные феномены Аркаима и Син-ташты. Целый комплекс древних городов бронзового века, на них стоило бы взглянуть! Но... Аркаим скорее исключение из правил. В других же местах объекты материальной культуры, оставленные кочевыми народами весьма редки, потому и не понимаю, зачем вам ехать туда, в Курган этот?

– Я не копать и не искать артефакты направляюсь, а навестить родственников, – в очередной раз объяснил я причину своей поездки, но спутник и не собирался слушать, увлеченный собственными рассуждениями.

– Вот вы, Андрей, в Москве живете. Просто не понимаю, как безрассудно вы используете свободное время, в то время как Белокаменная переполнена историческими тайнами!

– Я не большой любитель участвовать в раскопках, а все остальное в столице, кажется, уже исследовано и переисследовано.

– Это вы зря! – возмутился профессор. – Загадки Москвы лежат возле нас. Самые известные нам факты и есть самые таинственные. Вот, подумайте, почему именно этот маленький захолустный городишко возрос в столицу огромного государства?

– В школе проходили: выгодные торговые пути, географическое расположение, мудрая политика князей. Ну и так далее...

Мой примитивный ответ только раззадорил соседа.

– Вот и неправда! – Степан Васильевич затряс головой от возбуждения. – Тверь, Ярославль, Новгород – вот они лежали на по-настоящему крупных торговых трассах! Географическое положение у будущей столицы хуже некуда: какие-то сто с небольшим километров, и началась Великая степь; и вообще это был медвежий угол Древней Руси! Сотни километров лесов, нет проезжих дорог, враждебное неславянское население. А князья московские по личным качествам были не хуже и не лучше прочих удельных правителей, но вот факт – ресурсов у них меньше имелось, чем у конкурентов. Не должен был этот провинциальный населенный пункт вырасти в главный город зарождающейся державы. И не мог!

– Но ведь это случилось! – возразил я. – Теперь-то мы можем с полной уверенностью об этом сказать.

– В этом то и есть неразгаданная тайна, – вздохнул мой сосед. – До сих пор непонятно, что было такого у московских князей, о чем мы не знаем, что-то, позволявшее им при всех недостатках полученной в удел территории, вести наглую и бесцеремонную политику? Почему именно им свободно открывались двери в Орде? Почему в Москву потянулись искатели удачи со всей Руси? Почему гордые в других странах церковные владыки так смиренно склонились перед московскими царями? Почему православный митрополит переехал из великого града Владимира в жалкую Москву? Почему вражеские нашествия из века в век фанатично стремились овладеть именно этим городом?

Без сомнения, в словах пожилого человека имелась доля истины. Та история, которая преподавалась мне в школе и институте, была прямолинейна и состояла из целой цепи предсказуемых событий. Отклонения влево и вправо не приветствовались, и только сейчас, слушая эмоциональный треп Степана Васильевича, я понимал, как много пищи для ума взрослого человека могут дать, казалось бы, давно известные факты.

Тем временем поезд приближался к Уралу, и мне предстояло выслушать еще массу историй и советов, но лишь последняя рекомендация соседа имела смысл и касалась содержимого моего кошелька.

– Никогда не игнорируйте предупреждения опытных людей! Поверьте мне, Андрей, но там, куда вы едете, купюра в тысячу рублей может не рассматриваться в качестве денег.

Справедливость слов профессора подтвердилась уже через несколько часов, когда я в отчаянии носился по городу прибытия в безнадежных попытках разменять упомянутую тысячу. Была вторая половина субботнего дня, и единственный местный банк давно закрылся, а продавцы пристанционных магазинов и даже редкие таксисты шарахались в страхе от моей необычной просьбы. Поэтому пришлось отказаться от планов поездки на автомобиле, и я покорно поплелся на автостанцию, где как выяснилось, оставшейся в карманах мелочи вполне хватало на поездку в автобусе тридцать седьмого направления, который, судя по загогулине на схеме маршрутов, делал остановку в конечном пункте моего путешествия.

Глава 2. Секреты сибирской степи

Старый, но еще выносливый «ПАЗик», злобно рыча, мчался по разбитой загородной дороге, и казалось, что меня не ждут уже никакие сюрпризы. Но раз необычное должно было случиться, оно и случилось, на этот раз материализовавшись в образе еще одного приставучего попутчика – моего соседа по автобусу. Весь его беспокойный облик предполагал новую оживленную беседу, и разговор не заставил себя долго ждать.

– Куда едешь? – непринужденно начал старикашка в поношенном костюме и черной кожаной кепке.

Я промолчал, надеясь на взаимную любезность, но подобный лаконичный ответ не мог удовлетворить спутника, искренне желавшего обсуждения особенностей местной флоры и фауны. Поэтому, поизучав меня с минуту, сосед продолжил допрос:

– Откуда приехал? Куда едешь? Да ладно, не молчи. Я и так знаю! Все вы «хуторские» на одно лицо! Только автобус туда не идет!

– Куда не идет?

– В Хутора!

– Почему не идет? – наступил мой черед удивляться.

Старичок, довольный произведенным впечатлением, медленно и с расстановкой; чтобы весь салон слышал его слова, произнес:

– А чего, водитель самоубийца, что ли? Автобус всегда в объезд ходил километров за двадцать! Кстати, если хочешь выйти поближе, предупреди водителя заранее!

Шум от двигателя заглушил хохот довольного моим озадаченным видом соседа. Перспектива топтать пешком двадцать километров по незнакомой местности, к тому же вечером и возможно в темноте, не прельщала, и я подбежал к водителю, судя по виду, являвшемуся близким родственником известного боксера, что совсем не располагало к ведению длительных споров.

– А что автобус мимо Старых Хуторов не пойдет?

– Не-а, – невозмутимо буркнул тот.

– Но на автостанции было написано, и схема маршрутов прилагалась....

– Мало ли, что там написано и нарисовано было.

– И что теперь? Как мне быть?

– Слушай, маршруты составляют в областном управлении. Откуда им знать, что на местности творится? Им хотелось, чтобы Хутора были охвачены пассажирским сообщением, а народ этого не хочет.

– Почему не хочет?

– А ты себя в зеркале давно видел! – водитель выразительно посмотрел в мою сторону. – С такой рожей тебе нечего бояться!

До этого момента я всегда чувствовал себя достаточно симпатичным молодым человеком. Признаюсь, женщины не баловали меня повышенным вниманием, но я сам добивался многих из них и особенных упреков относительно моей внешности не помнил. Однако, если судить по лошадиному смеху из первых рядов, что-то в моем лице было действительно не так.

– Иди, садись! – рявкнул водитель. – Минут через двадцать высажу тебя на перекрестке. Самая раздолбанная дорога – твоя. Когда пойдешь по ней, ориентируйся по километровым столбам, иначе утопать в другую сторону милое дело! Ремонту там лет сорок уж не делали, местами вообще грунт будет, а столбы остались. Это и будет верным направлением движения. Километров, говорят, через двадцать и твоя деревня будет.

– Почему «говорят»? – удивился я.

– Потому что старики в твоих Хуторах бывали, а я нет.

– А почему, боитесь, что ли?

Водитель и слышавшие разговор пассажиры громко засмеялись, так, словно и обсуждать было нечего.

– Ты, слышь, не грузись раньше времени, – вступил в беседу высокий деревенский парень, стоявший около двери. – Много чего говорят – мало чего знают! Никуда Хутора не делись. Но ходить туда действительно бояться. Я сам как-то сунулся и ничего, жив остался.

– И далеко ли заходил? – с иронией в голосе пробасил водитель. – Небось, от Дубровного только на три метра отклонился, а теперь до конца жизни хвастать будешь!

– Это правда, недалеко я ушел, – признался парень. – Однако, если б нечисть подходы сторожила, никогда не вернулся. Так что зря вы смеетесь. И вообще, там, на полпути батюшка живет.

– Священник? – переспросил я.

– Ну, может, и нет. Бабки шепчутся, что расстрига он, а может святой. Возможно, прячется от кого? А может быть, нас охраняет! Какая разница! Короче, земляки в ту сторону побавляются шастать, а он там избу поставил, скотину держит, огородик. Если стемнеет и припрет переночевать, лучше к нему постучись.

– А то что, оборотень за зад схватит? – неудачно сострил я.

– Вот и ты туда же! Слушай! Как пацан – пацану скажу! Парень ты не здешний, городской, мест не знаешь. Нечисти не обещаю, но живности всякой тут всегда много было, а в последние годы вообще до хрена развелось! К Хуторам же охотники совсем не ходят, а потому волки и кабаны там хозяевами себя чувствуют.

– А что же в Старых Хуторах страшного такого? Что не так?

– Отшельники они. Живут сами по себе, никуда не выходят, ни с кем не знают, не торгуют. А мы же, русские, не любим таких людей! Вот, думаю, и весь секрет.

Перегруженный отрицательной информацией относительно конечного пункта своего путешествия, я присел на свободное место, задумавшись ни о чем. Из этого состояния меня вывел окрик водителя:

– Слышь, парень, вон твоя дорога!

Я медленно вышел из автобуса и остановился в нерешительности. На часах было пятнадцать минут шестого. Милая средняя школа! Благодаря кое-каким знаниям, приобретённым именно в ней, я хорошо помнил, что средняя скорость пешехода равняется пяти километрам в час, и поэтому догадывался, что сентябрьское солнце сядет намного раньше предполагаемого прихода в деревню. Признаюсь, мне стало слегка не по себе. Еще оставалась возможность передумать, ведь автобус пока не уезжал. Водитель и пассажиры не хотели лишать себя любопытного зрелища – человека, направляющегося в Старые Хутора и, судя по доносившимся возгласам, спорили: хватит у меня смелости или нет. Я оглянулся назад, где ярко выраженные деревенские лица уставились на меня с бесхитростными улыбками. Отступать и показаться трусом в их глазах не хотелось, и я, наконец, шагнул вперед.

Впрочем, сначала было не страшно. Я и не думал об этом, замороженный золотистой по осени бескрайней степью, ярко-красным садящимся солнцем и фантастическими переливами огненных красок редких перелесков. Заранее припасенная бутылка пива скрашивала одиночество, а старые, давно некрашенные километровые столбы верно указывали дорогу. Однако вскоре стемнело, и степь наполнилась звуками внезапными и резкими: то беспокойными одиночными криками птиц, то кажушимися мне стонами погибающего животного, то неожиданным хрустом веток где-то по краям дороги. Время от времени раздавался вой какого-то животного, я вначале предположил, что где-то рядом находится волк, но вой неожиданно перешёл в повизгивание и тявканье. Если тут бездомные собаки, то непонятно как они себя поведут. Затем пришла мысль, что в лесостепной местности на больших просторах диким собакам

без человека будет прокормиться довольно трудно, и что это вовсе не собаки. Да и волк так не может выть.

«Оборотень?» – пришла мне в голову подленькая и трусливая мысль, и, как бы в подтверждение моих слов, тьяканье перешло в хохот. Неожиданно всё смолкло, я успокоился и продолжил свой путь. Труднее становилось держать правильное направление, ведь, как и предостерегал водитель автобуса, главная дорога местами практически не отличалась от пересекавших ее полевых.

Неожиданный странный свистящий звук особенно встревожил меня. Его источник находился где-то рядом, но откуда? Несколько минут оглядок и резких остановок ушли на то, чтобы понять – звук раздавался из горлышка пустой пивной бутылки, куда залетал степной шутник-ветер! И этого времени как раз хватило, чтобы я окончательно запугал себя. Пожалуй, ничто на свете не может привести человека в состояние полного истерического ужаса, кроме него самого. Когда-то раньше я слышал от своего знакомого историю, как он в лесах ближнего Подмосковья, переполненного поселками, деревнями и дачами, запугал себя так, что перестал чувствовать собственные ноги. А причиной ужаса был обыкновенный, но крупный пушистый кот, по дружелюбию или в надежде на подачку, увязавшийся за грибником. Кошак все время держался в небольшом отдалении. Когда знакомый шел, тот следовал метрах в пяти сзади, когда он останавливался – кот садился и смотрел внимательными глазами. Через минут двадцать подобного общения мой товарищ довел себя до такого состояния, что не услышал даже шума от находившего в километре от него аэродрома и упал на землю. Взрослый мужчина впервые за много лет заплакал от бессилия! Но бессовестное животное, догадавшись, что ему в этот раз ничего не перепадет, с достоинством удалилось в лес, позволив моему знакомому собраться с силами, встать и пойти дальше, навсегда запомнив удивительную причину своего испуга.

– Главное в такой ситуации контролировать себя, – вспомнились наставления товарища. – Надо во время переключаться на другие мысли и больше смеяться.

И спустя пару мгновений я уже вспоминал о веселых институтских годах и не храбро, но вполне уверенно шагал дальше, хотя обстановка за это время сильно изменилась и не в лучшую сторону. Окончательно стемнело. Усилился ветер. Нагнанные им большие тучи надолго спрятали луну. Да и дорога пошла круто вверх, не оставляя никаких шансов разглядеть то, что ожидало меня через какие-то тридцать метров.

Винить было некого: зачем я, москвич с пеленок, поперся в эту дыру, в которую боялись заезжать даже местные мордovorоты – водилы? Черт меня дернул! Теперь приходилось расплачиваться за свою беспечность и бороться с темнотой и неизвестностью. Ведь и на работе уговаривали: «Оставайся!» Хотя то, что происходило со мной, было на порядок интересней, чем тупо валяться на турецком пляже!

Так вот, две недели назад я получил открытку от своих родственников, о существовании которых догадывался, но до того момента коими никак не интересовался. Открытка была отправлена из небольшого районного центра одной из бескрайних западносибирских областей. Мои далекие сибирские родичи, приходившиеся кем-то по недавно умершей бабушке, просили приехать к ним в Старые Хутора на праздник. Мероприятие планировалось грандиозное, почти что феерическое, с участием местных официальных лиц. Не знаю, зачем я понадобился, но приглашение составили с фантазией, и хоть и не мечтал я тащиться в глухомань, но все же отправился в путь. Для такого решения имелись несколько причин: некоторая склонность к романтике, жажда поглазеть на Россию-матушку и бабушкины рассказы о необычайных красотах этих мест. Так или иначе, я все равно планировал когда-нибудь посетить Старые Хутора. «Ну, хорошо! Почему не совместить приятное с полезным?» – решил я, заранее представляя не испорченные шопингом милые лица деревенских красоток и уже ощущая вкус качественного самогона. И несмотря на то, что я был человеком совершенно одиноким, не имеющим

никаких семейных проблем, я сумел выпросить у начальства всего через месяц после утомительной поездки в Турцию еще один двухнедельный отпуск.

И следствием всего было то, что сейчас я плелся по ночной незнакомой дороге неизвестно куда и к кому. И что, самое интересное, если бы действительно какому-нибудь волку или медведю захотелось плотно поужинать, то искать меня стало бы только начальство, да и то недели через две, когда размер дебиторской задолженности моих клиентов вырос до катастрофического уровня.

Глава 3. Отшельник

По истечении двух часов быстрого шага я, наконец, забрался на самый верх холма и увидел далеко внизу маленький слабый огонек, на свет которого и направился. Спускаться было значительно легче, да и источник света оказался значительно ближе, чем виделось вначале, и уже через десять минут я стучался в окно небольшой избы. Дверь открыли быстро. На пороге, как и обещал парень из автобуса, стоял человек в рясе. Священник внимательно осмотрел меня с ног до головы и замер, ожидая дальнейших действий нежданного гостя.

– Здрасьте! – несколько фамильярно поздоровался я. – Можно на ночлег к вам напроситься?

– Конечно, конечно! – словно выходя из оцепенения, ответил хозяин.

Я шагнул в слабо освещенные сени. Батюшка отступил в угол, пропуская меня вперед. Более того, он держал в руках какой-то продолговатый предмет. «Палка?» – предположил я, но внутри жилой комнаты обнаружил, что это обрез. Заметив мой заинтересованный взгляд, хозяин нисколько не смутился и привычно положил оружие на стол.

– Неместный? – зачем-то спросил он.

– Да, из Москвы.

– Как звать?

– Андреем.

– Похоже...

– Похоже, что из Москвы или что Андрей? – пошутил я.

– Всё похоже, – тяжело вздохнув, ответил батюшка. – Я отец Тимофей. Какими судьбами в наших краях?

– Вот, в Старые Хутора добираюсь.

– С автобуса идешь?

– Ага, он почему-то туда не едет!

– Понятно почему! Кстати, пока шел, ничего странного не заметил?

– Нет.

– Странно, – священник удивленно хмыкнул и перевел тему разговора. – Водки хочешь? – спросил он и, увидев мой согласный кивок, сам ответил. – А нету! Денег нет – сахара нет! Сахара нет – самогону тоже нет!

Улыбнувшись, я достал из сумки бутылку. На столе быстро появились два стакана, зеленый лук, вареные яйца и хлеб. Мы выпили по первой, и беседа оживилась.

– Так из Москвы, говоришь? – неожиданно вспомнил батюшка. – Паспорт покажи!

Я протянул. Отец Тимофей, недоверчиво покрутил документ в руках.

– Смирнов, значит.... А почему Смирнов?

– А в чем собственно дело?

Лицо батюшки приобрело серьезное выражение, и немного заплетающимся голосом он произнес:

– Потому что я поставлен здесь для охраны.

– Для какой охраны? – настал мой черед удивляться.

– Чтобы защищать человечество от нечисти, от вас – «хуторских».

– С этого места, пожалуйста, поподробнее! – вмешался я. – Каждое обвинение требует пояснения!

– Все просто. Я принял обет спасти невинные души от нечисти, обитающей в Старом Хуторе. Изба стоит как раз на полпути от деревни, чтобы все проходящие могли остановиться и одуматься.

– И много спасенных?

– Да нет, пока! – грустно вздохнул уже довольно пьяненький отец Тимофей.

– А чего, ты, батюшка, непосредственно против меня имеешь? – спросил я, уже не удивляющийся очередной сказке о моей исторической родине, Паспорт изучал, будто московский милиционер.

– Видишь ли, Андрей, в Хуторах живут обладатели всего лишь трёх фамилий: Бирюковы, Измestьевы и Горюновы. Так повелось исстари на Руси. Бывают деревни, где все одну фамилию носят, по их старинному предку. Места здесь лихие, степные, потому и селились те, кому далекая чужбина была роднее отечества: раскольники, сектанты, беглые. Но и нечисть разная селилась, подальше от глаз людских.

– Нечисть? Батюшка, а вы не увлекаетесь?

– Оборотни, упыри, ведьмаки. Вот и твои Хутора – деревня ведьмацкая, нисколько не смущаясь, продолжил отец Тимофей. – Дьяволу поклоняетесь! Да и оборотни там, подозреваю, проживают.

– А чем я не угодил?

– Вот и я не пойму, кто ты есть? – выразительно рубанув ладонью воздух, крикнул священник. – Парень – московский, а ведьмаки своих лет двести в большой свет не отпускали; фамилия – Смирнов, а таких в Хуторах нет.... Но, идешь ночью, не боясь, в ту сторону – это раз.... Кстати, у тебя цвет глаз не разный?

– Есть немножко, – ответил я. – Один – карий, другой – зеленый.

– Вот-вот! И я о том же. А водка еще осталась?

Я достал вторую из приготовленных для свидания с родственниками трех бутылок перцовки, надеясь, что безумный батюшка выпьет достаточно много и не совладает с осиновым колом, пока я буду спать.

– Так вот, – продолжил тот, выпив очередную рюмку. – А зрение у тебя хорошее?

– Ну да! – произнес я с гордостью. – Нижний ряд свободно читаю.

– Что и требовалось доказать! Все признаки налицо. Вот еще бы фамилия....

– Ну, скажем, бабка у меня в девичестве Измestьевой была. А в Москву она в конце сороковых попала по комсомольской путевке. Думаю, система тогда была сильнее любой нечисти.

– Значит, нечистокровный ты нечистый! – путаясь в словах, произнес отец Тимофей, наливая новую рюмку. – Да и не было никогда комсомольцев в Старых Хуторах.

Теперь уже оживился я и, еле сдерживаясь от смеха, пошутил:

– А чего же не боишься меня, батюшка, тогда? Водку пьешь? Вдруг я тебя ночью по башке и туды, в степь?

– А чего мне бояться! Глупости какие! Пойдем, – отец Тимофей поднялся из-за стола и поманил рукой. – Пойдем, что покажу.

Мы вышли назад в холодные и темные сени.

– Осторожно, не задень что-нибудь, спугнешь! – прошептал священник.

Я собрался с силами и осторожно ступал вслед за хозяином. Возле двери на улицу тот отодвинул кусок фанеры, прибитый к стене, и показал пальцем:

– Вот, смотри!

Под фанеркой находился потайной глазок. Я прислонился и ничего не увидел.

– Смотри внимательнее, волков у дома видишь?

– Нет.

– Тогда в поле. Силуэты, тени какие-нибудь есть?

Признаться честно, на секунду мне действительно показалось, что в метрах ста в темном поле что-то мелькнуло, но в данный момент я соотносил это явление лишь с эмоциональным возбуждением прошедшего дня и выпитым за последний час, поэтому снова расстроил отца Тимофея:

– Ничего не вижу!

Хозяин недоверчиво прислонился к глазку.

– Смотри-ка, черти. Действительно нет! Тогда все понятно.

Мы вернулись в дом.

– Теперь я знаю, почему ты ничего не заметил, пока шел сюда. У волков сегодня необычное поведение.

– У волков?

– Да, хищники по ночам держат мой дом в осаде. Как только темнеет, приходят и сидят возле дверей всю ночь. Я и глазок для этого сделал и обрез потому держу, и удивился сегодня твоему появлению поэтому. Так что повезло тебе, Андрей! Иначе валялся бы сейчас в поле зверями разодранный! А ты говоришь: «по башке»...! Ничегошеньки ты не знаешь. Не ваш это метод, не ваш! Настоящий ведьмак сперва человека изнутри замучает, чтоб сердце от страха разрывалось, а потом, если захочет – убьет; а захочет – живым отпустит. А меня..., меня крест святой хранит. – Батюшка быстро троекратно перекрестился. – А от зверей – обрез. Хотя твари умные и наглые.

– Отец Тимофей, – спросил я с интересом, – а кто это в степи то завоет, то затыкает, то засмеётся? Неужели здесь действительно водятся оборотни?

Священник усмехнулся:

– Да шакал это! Местные его не боятся, только глупые бабы ребятишек им пугают, чтобы не озорничали.

– Неужели здесь и вправду все так ужасно? В автобусе запугивали, ты, святой отец, запугиваешь, а люди там как-то живут!

Священник встал из-за стола.

– Хочешь цитату из одной умной книжки? – и, не дожидаясь согласия, продолжил. – «Нет ничего страшнее на свете, чем степной погост. Ухоженные кладбища Западной Европы, с их до ненависти ровными тропинками и каменными крестами; утопающие в роскоши могилы московских богатеев; нет, они никогда не смогут быть источником вдохновения для настоящего первобытного ужаса. Этот ужас, приходит из самой глубины нашего создания; он воплощает страх нашего далекого предка перед всем неизведанным, что прячется за пределами охотничьей тропы. В Москве и Мюнхене, Париже и Берлине каждый помечен по имени, возрасту и богатству и никто не будет ждать, что из-под чистого мраморного обелиска с надписью: «Такой-то, тогда-то скончался»; явится нечто, пугающее живых. Только здесь, в степи уже через несколько лет ветер, трава и дождь стирают любую могилу. Ступая, ты никогда не догадываешься, идешь ли по траве или сдавливаешь грудь гордого предка? И не знаешь, не придет ли он к тебе ночью отомстить за поруганную честь мертвеца? Только в степи можно понять, как быстро после смерти мы возвращаемся в землю»

Я был сражен наповал!

– Отец Тимофей, это действительно цитата?

– Да! Это цитата из одной старинной книги. Я к чему ее привел? Потому что она, как ничто другое, иллюстрирует мистическую атмосферу этих мест.

– Кто ее написал?

– К сожалению, книга досталась мне без обложки! – вздохнул священник. – Хотя на первой странице были, кажется, фамилии. А что?

– Это не пустой интерес. Когда я в Москве садился в поезд, я видел первый лист этой книги и запомнил первое предложение.

– Вот, видишь! Это знак! Уже тогда Господь предупреждал об опасности. Священник покопался в старом шкафу и небрежно бросил мне книжку:

– На вот, сам почитай!

– Но здесь нет первой страницы!

– Наверно оторвалась, где-то валяется, – извинился хозяин. – Как найду отдам.

Прошло уже достаточно времени, выпитая водка начала сказываться и батюшка все больше и больше бормотал понятный только ему бред. Еще минут через двадцать он, не говоря ни слова, встал и, шатаясь, побрел к кровати, на которую рухнул, не раздеваясь. А мне отчего-то не спалось. Я взял керосиновую лампу, пристроился на старом диване у входа и раскрыл книжку.

Глава 4. Невероятные приключения в дальнем уезде

«В конце июля 1874 года я отбыл из Тобольска по личному поручению губернатора. Погода в то лето стояла дождливая и холодная. Никто не ожидал чего-либо иного от наших сибирских краёв, но всё неожиданно переменилось: подул жаркий ветер из киргиз-кайсацких степей и воздух раскалился, словно в печи. Живописные земли, через которые я следовал к месту своего назначения, почти не были видны из-за знойного марева.

Перед отъездом губернатор пожелал лично встретиться со мной и передал особое поручение.

– Поедешь в Ишимский уезд. Последние два года там большие недоимки. Разузнай, воруют ли или правда, народ бедствует; опять же об иных путях пополнения казны. Да, и еще осторожно разведай, не моют ли где золото?

– Золото? – удивился я. – В Ишимском уезде?

Губернатор удовлетворил мое любопытство, достав из потайного ящика бюро треть золотого слитка.

Десятью днями позднее, прибыв в Ишим, я рьяно взялся за порученное дело. Дело о воровстве местных чиновников изложено мной в соответствующем отчете. Скажу только, что в казну было возвращено пять тысяч рублей золотом. Однако сейчас речь не о том. Последнее задание губернатора привело меня в забытое Господом село Юдино.

Еще в пути я порядком наслышался нелестных слов о пункте назначения.

– А что Вы там забыли, любезнейший Андрей Васильевич? В препоганое место едете, на самое болото, хотя вокруг есть сёла, где веселее и земля посуше. А комарьё! Сожрёт оно Вас! И постоялого двора там нет. А Вам в само Юдино или куда дальше?

– Может, и дальше.

– Вот это не советуем. Отсидитесь лучше в Юдино, и домой, в Тобольск. Солгите, что побывали там, да ничего и не узнали, так-то лучше будет, и голова уцелеет. Не хотим, чтобы Ваша драгоценная супруга, Андрей Васильевич, осталась вдовой.

– Что же такого страшного в тех местах? – полюбопытствовал я.

– Страшно и непонятно там! Страсти такие, что и не объяснить. Есть там хутор один, так к нему даже лихие людишки не шастают, боятся. А в хуторе говорят, пшеницу не сажают, скотины не пасут, а живут хорошо, зажиточно. Откудова только капиталец берет? Кстати, и кыргызы хуторян боятся, вблизи юрты не ставят.

– А хуторяне православные или староверы? – поинтересовался я, неожиданно догадавшись, что там и будет конечный пункт моего путешествия.

– Говорят, чернокнижники.

Было смешно слышать в наш просвещённый век о колдовстве, и следующим вечером, сопровождаемый двумя казаками, через раздольную степь я добрался до Юдина, в коем ничего примечательного не заметил, зато не был обойдён вниманием местных жителей. Наверно, впервые за сто лет в их село прибыл столь значительный чиновник, и обыватели семьями приходили, дабы взглянуть на важную персону. Но вскоре, прознав о моем желании отправиться к отдаленному хутору, все попрятались в своих жилищах. Ни посулы, ни угрозы не помогли, и я пожалел, что отпустил в Ишим казаков.

Лишь Игнат – хозяин избы, в коей я остановился, поневоле согласился помочь, но ежедневно пугал меня местными сказками.

– Хватит нам русалок в деревнях, от них жизни нету. Мне еще срок помирать не пришел. До Дубровного провожу, а дальше сами, барин, пойдете, там верст пятнадцать останется.

Утром мы поехали по пыльной дороге. Было невыносимо жарко, а мошкара и оводы ни на мгновение не оставляли без внимания меня и моего провожатого.

– Чего, барин, гнусь заела? – спросил Игнат. – Давай отдохнём у озера, коняга попьёт, и мы умоемся.

Мы свернули с дороги к степному озеру. Игнат взял под узду коней и подвел к воде. Те радостно шагнули вперед и, фыркая, начали пить. Я тоже наклонился и зачерпнул горсть: вода казалась необычайно вкусной.

– Озеро пресное, мало у нас таких озёр, всё больше солёные. Раздевайся, барин, макнись, что ли, да не закупывайся! Русалки здесь лихие, утопят, а потом вмиг обглодают.

– Что сильно балуют?

– Вот приедем в Дубровное, там расскажут тебе всё. Когда первые люди туда приехали, озеро, что Косачёвым зовется, пресным было. Вокруг дубы стеной росли, а на каждом дереве русалки сидели, с косами длинными, до земли. Стали люди дома строить, а русалки смотрят на них да смеются, а как деревья начали рубить, так заплакали, да и уползли в дождь в другие озёра. Уходя, в Косачёво горбунцов понапустили в отместку, а озеро посолонело.

– А горбунцы, кто такие?

– Эх, барин, ничего вы там, в столицах своих не знаете. Они в озере плавают и величиной с муху, горбатые и кусачие.

– Ну и сильно кусаются?

– А если будешь шевелиться, то не тронут, а ежели вода тёплая да тихая, а ты стоишь в воде, везде укусят. А срамные места больше всего кусать любят.

Так и въезжал я в село Дубровное, наслушавшись росказней про русалок, горбунцов, про дубы, которые будто бы росли в здешних краях, несмотря на суровый сибирский климат. Игнат торопливо простился со мной и оправился назад в Юдино.

Село встретило меня лаем бесчисленных собак, более схожих с лисицами, чем с волками. Бревенчатые и саманные хибары с неизменными палисадниками, большими хозяйственными дворами и бескрайними огородами выстроились вдоль двух кривых улиц. Пыль столбом стояла после каждой проезжавшей телеги и окутывала невысокие дома. Богаче всех выглядел поповский дом, сразу за которым находились деревянная церковь и погост.

В солнечную погоду деревенское кладбище было скорее радостным, чем печальным, и смерть казалась всего лишь досадным недоразумением. Редкие могилы вольготно расположились среди буйных степных трав. Ярко цветущее разнотравье, редкие берёзки, стрекотавшие насекомые, бабочки, без страха садившиеся на руку, перепевы полевых птах, ящерики, греющиеся на могилах: да какая тут смерть? Тут жизнь! Вокруг кладбища под ярким лазурно-синим небом раскинулась безбрежная равнина. Ни холмика, ни возвышения – степь, покрытая берёзовыми и осиновыми колками и озёрами через каждую версту.

Я остановился в светлой и чистой поповской избе. Приветливые хозяева щедро угощали настойками и пирогами, но радушие селян сразу же закончилось, как только я спросил о хуторе.

– Не ходите туда, если к деткам вернуться хотите!

– Да почему же? Неужто они посмеют навредить важному чиновнику?

– Эти посмеют.

– Кто они – старoverы, раскольники? – поинтересовался я.

– Нет, старoverы другие. Они и у нас в Дубровном живут: крестятся иначе, да шибко безгильвые. У них кладбище есть за озером.

Возможность осмотреть кладбище старoverов представилась любопытной, и я отправился вдоль колеи, оставленной телегами местных жителей; через версту миновал озерцо, обошёл маленькую берёзовую рожицу и внезапно понял, что очутился на деревенской улице, скорее на бывшей деревенской улице. Сквозь заросли татарника, низкого ивняка проглядывали обвалившиеся саманные стены, а в одном месте высилась часть деревянного дома. На то,

что здесь когда-то была деревня, указывали редкие кусты сирени, черёмухи и ещё каких-то растений, которые в глухом месте никогда бы не выросли без руки человека.

Внезапно почудилась опасность, будто чьи-то злые глаза уставились на меня из развалин. Ощущение это было настолько сильным, что мне, вопреки страху, захотелось проверить, а что же там таится. Я сделал шаг к кусту сирени, разросшемуся среди развалин, но внезапно неприятный холод разлился по моему телу. Я, перепугавшись, быстро пошел прочь, не оборачиваясь, но, явственно слыша, как кто-то, скрываясь от солнечного света в кустах, преследовал меня по пятам.

Позорное бегство прервалось, когда я, споткнувшись о кочку, растянулся среди высокой травы. И, о ужас, мое лицо уткнулось в старую могилу! Кладбище староверов, почти незаметное среди зарослей полыни и конопли, выглядело заброшенным и страшным. Отдаленный степной погост был ужасен, я снова побежал. Лишь добравшись до озерца, успокоился и наклонился к воде утолить жажду, но, услышав громкий всплеск, в страхе отшатнулся. По озеру расходились большие круги, будто очень крупная рыба нырнула в глубину.

Вернувшись в село, я поделился впечатлениями с хозяевами.

– Это ж русалка была. Счастье твоё, что уцелел, а глубже бы вошёл, точно уволокла. А брошенную деревню раньше называли Угловка. Люди там жили мирно до тех пор, пока на хуторе по соседству ляхи не поселились.

– Ляхи? – удивился я. – Откуда они здесь?

– А, может, и не ляхи, лет триста прошло уж. Только, старики сказывали, что раньше там местный народ жил, на кыргызов не похожий, но языком как наш. Может, казаки. А потом эти пришли, всех поубивали и дома их заняли. Еще говорят, что на хуторе не люди вовсе живут, а ведьмаки, но живых они не трогают – покойников едят. Когда в Дубровном кто-то кладбища стал разрывать и покойников из могил подымать, мужики собрались суд устроить, но как к хутору подъезжали, лошади все взбесились и разбежались по степи. К приставу обратились, так он ни за какие коврижки ехать туда не захотел. А в Дубровное после этого домовые и лешие захаживать повадились: то в стайку, где скотина живёт, заглянут, то в самую избу. В печь спрячутся, а как баба хлеб захочет испечь – заслонку отодвинет, а там он весь черный, в золе, выпрыгнет да отряхиваться начнёт.

В подтверждение слов привели малую девочку, которая будто с домовым повстречалась. Вот её рассказ:

«Раннее утро, уже светло, но солнце ещё не встало. В старом доме тихо, все спят, а мама ушла доить корову. Моя постель стоит у стены на заход солнца, а между стеной и спинкой кровати свободно. На стене толстый крюк, на который в холодную погоду вешают одежду. Открываю глаза и вижу: схватившись за крюк левою рукою, повис человек небольшого размера. Кожа у него смуглая, голова без волос, карие глаза буравчиками, лицо разлапистое, роста небольшого, а тела крепкого. Смотрит на меня по-доброму и внимательно, а я всё равно испугалась. Закрыла глаза и нырнула под одеяло. Немного погодя выглянула – нет никого. А хорошо запомнилась: родителям ничего рассказывать не стала, побоялась – засмеют.

В следующее лето на базар в Юдино поехали с бабкой и дедом. Ходим, наряды смотрим. Я вижу, кто-то меж рядов шныряет. Пригляделась, а это он домовый. Меня заприметил, пальцем пригрозил и показал, чтобы молчала. А я с перепугу всё равно закричала. Люди бросились ко мне, а в это время товар у купцов пропал. Кыргызы сказали, что шайтан меж рядов пробежал. А другие думали, что это ведьмаки шутили».

– Знаете ли, Вы, милейший Андрей Васильевич, – неторопливо продолжал священник, выпивая, не знаю какую по счёту, чашку чаю, – что в наших краях леса имеются гиблые? В этих лесах – мёртвые поляны, с деревьями, поломанными точно соломины.

– Не может быть! – изумился я. – Наверное, ураганы здесь сильные?

– Да не бывает здесь никаких ураганов, ветра сильные с севера, конечно, приходят. Как начнут дуть да при сильном морозе – белый свет милым не покажется. А чтобы ураганы, что как сказывают – к западу от Камня пошаливают, так их и старики не упомнят. Вихрь иногда задует, закружится, подымет в воздух всё лёгкое, всё, что плохо лежит. Может и сено растащить, но чтобы ураган...

– Может, на местах болотистых находятся эти деревья?

– Да какие там болота! Юдино, сказывают, на болоте стоит, а других сырых мест не знаю.

– Да никакое там не болото, – возразил я. – Вот у нас под Тобольском и посевнее его точно болота непроходимые да непролазные, а здесь ложбинка небольшая, вода чуть-чуть застаивается. А в сухую погоду вон какая пыль столбом стоит!

– Точно так, – согласился поп, – сухо в Юдине больше. У нас тут вода в лесу только весной бывает от обильного снега, а в остальное время хорошо везде. Вокруг всё зеленеет, костянка поспевает, клубника, обабки, грузди, и вдруг лес мёртвый. Ни травинки, ни зеленки, тишина тревожная. Иволга вездесущая, и та не залетает, ни воронья, ни сорочья не видать. Бежать из такого леса хочется на простор поскорее. Пытался я с крестом и святой водой там пройтись, так не получается: рука тяжелеет и мысли путаются. Говорят, сам нечистый пошаливает. Пойдут, бывает, бабы по грибы да по ягоды, а посреди поля будто кто-то на гармошке заиграет, то окликнет, хотя нету живой души за версту, только зверье да птицы. А зверь человеческим голосом говорить разве может?

– Еще в наших краях живут карлики, сибирями зовутся, – продолжал свои байки священник. – Большею частью под землей они прячутся, а иногда и на белый свет показываются.

– Являются ли они родственниками всякой нечисти, как домовые, лешие и так далее? – поинтересовался я, и поп, не задумываясь, отвечал:

– Нет, домовые с первыми поселенцами переехали на новые места, незаметно в их телегах прятались. Лешие, те повсюду одинаковые, а старики сказывали, когда их деда сюда прибивали, так сразу и повстречали сибиров этих. Вроде как люди они и не люди вроде. На девок местных, которые по одной за ягодами ходили, порой нападали, а потом дети волосатые рождались.

– А с детьми что стало? – полюбопытствовал я.

– Да, никто не ведает, что с ними случилось. Верно, сибиряки к себе забрали. Так было, мамки пришли домой с поля, а зыбки, в которых детки лежали, пустые и следов никаких нету.

– Собаками искали?

– То ж дело пустое! Только времени трата. Шавки они чуть сибиряка почуют, так шерсть дыбом, да от страха только ветер свистит.

– А в жилище сибиров этих кому-нибудь случилось побывать или нет? – не унимался я.

– Да, было дело, – отвечал поп, – Как-то двое ребятёшек пропали, ну и крик по деревне поднялся. Искали, искали, да без толку! Восемь дней прошло, отпели их уж, а они объявились. Баловались, говорят, в поле, со стогов соломенных на землю скатывались, игрались повсякому. Вдруг музыку необыкновенную услышали, бесовскую, значит. Ну и пошли поглядеть, видят: под землю лаз. Они и сунулись туда, а там комната большая и светлая. Ни свечей, ни лампы, а с потолка – свечение. Ни лавок там, ни столов посреди комнаты, занавесок никаких. Всё блестит и огоньки разноцветные на стенах.

– И с детьми ничего не случилось?

– А дети пока глазели на это чудо, сибиряки им в чашках напитков дали какой-то. Выпили дети, вкусно показалось. А как наверху очутились, и сами не знают, не ведают.

– А дети, место заметили?

– Да не помнят они ничего! Вроде здесь случилось, а вроде и не здесь. Память совсем отшибло.

– Значит, сибиряки вред приносят?

– Да вроде не бывало от них особого вреда, только девок насильничали и детей своих потом воровали. Ну, а девкам это на руку, кто их с дитём волосатым замуж бы взял?

– А приходилось ли кому из мужиков сталкиваться с ними? – продолжал любопытствовать я. – Пытался ли кто сибиров из ваших краев прогнать?

– Да тут ребята как-то увидели этих волосатиков близко, хотели поколотить, а те посмотрели на парней, слова колдовские пробормотали, и те с места сдвинуться не смогли. Будто нечистая сила к земле пригвоздила. Очнулись парни – волосатиков нет, и ба, стоят в другом месте, верстах в трёх от Дубровного.

– А сибиряки так и без одежды ходят? – никак не мог успокоиться я.

– Летом так и ходят, – подтвердил священник. – Но срама и не видать вовсе под волосами. Вот еще на шее вместо креста ладанку носят, ни золотую и ни серебряную. Бог знает, из чего сделана! А как станет холоднее, одежду блестящую да в обтяжку одевают, а зимой и вовсе их не видать. Сам-то я этих сибиров не видел, Господь отвёл! Вот еще навь в наших краях водится.

– Кто такая навь? – удивился я новому слову.

– Навь – покойники, выходящие из могил.

– И сам встречал их?

– Нет, хоть и с погостом рядом живу, а вот люди видели. Это всё души неуспокоенные: кто рано, кто не по закону умер. Не только самоубийцы, но и убиенные, и утопленники, и сгоревшие, и в лесу замёрзшие. Порой идут на закате солнца люди из леса, кладбище всё равно проходить надо. Солнце справа, погост слева, глянут, а он из-под земли вылез, на солнце заходящее любуется. А потом вроде и не он, кустом обернётся. Люди-то знают – куста там отродясь никакого не было, а сходить и проверить боятся.

– А вот Вы, Андрей Васильевич, интересуетесь тем хутором. Из-за этих колдунов, что там живут, навь совсем расхотелась по Дубровному, и особенно по ночам стала хозяйничать. Собаки от этого воют, и сам ночью на двор выйдешь – холод по телу, так жутко становится. А могилы точно кто-то разрывать начал.

Как я уже отметил в своих записках, бывал я на этом кладбище, днём, конечно, но ничего необычного там не увидел, а почувствовал только умиротворение. По моей просьбе священник свозил меня на телеге в одно из гиблых мест. Впечатление от посещения мёртвого леса осталось сильное: неожиданно открывается в лесу островок с погибшими от неизвестной причины деревьями, ни птичьих песен, ни жужжания комара, всё мертво, и воздух кажется неживым. Хорошее место для всякой нежити, но я не верил в нее. Все эти страхи казались мне тогда любопытными, и я был готов записывать все новые и новые легенды о здешних чудесах и, в особенности, о таинственном хуторе. О русалках я слышал ото всех, с кем встречался. Рассказывали также о том, что эти создания, оказавшись на берегу, передвигаются на ногах; в воде плавают словно рыбы, а в сырую погоду переходят из озера в озеро.

А вот еще история кузнеца местного.

«Я недавно здесь живу. Чудес местных не видел раньше. Раз баню я истопил, а как вышел из парной, подбежал маленький румяный мужичок и начал помогать: то водичкой польёт, то веником похлещет, а затем и медовухой угостил. Помылся я, медовухи попил, закусил груздями солёными, чайку с травами хлебнул. Думал я, что лицо незнакомое, да идти никуда не хотелось, а мужичок приговаривал: «А ты никуда и не ходи, в предбаннике тебе постелено».

Человечек вышел, и я уже задрёмывал, когда почувствовал: что-то по лицу скользнуло, щекотно стало. Открыл глаза, а рядом девица: волосы распущенные, глаза большие, тело длинное и гибкое. Обняла меня она, и я голову потерял.

Очнулся: день давно на дворе, петухи не первую песню пропели. Голова с похмелья болела, а от меня несло рыбой. Кое-как обмывшись, я в деревню вернулся. Услышав мой рассказ, соседи встревожились:

– Никак банник к тебе приходил, зельем опоил, да и русалку подложил, поэтому рыбой-то и воняешь. Хорошо, что в живых оставила!

Не понял я, где правда, где почудилось? Выпил вчера крепко, но рыбному духу неоткуда взяться, вот загадка».

Признаюсь, я не очень-то верил в такие чудеса. Тем более, что поселяне не имели сильного страха к жителям хутора, вот только провожать меня наотрез отказывались.

– Не любят они чужаков, да и нам спокойнее.

Пришлось одному отправляться.

Что такое степная дорога? Да, это никакая не дорога – глубокая колея с потрескавшейся землёй, пыль, пот, слепящее солнце – нет романтизма. Не зная пути, я ехал по наитию. Солнце катилось за полдень, и я пришпорил коня, чтобы засветло успеть в место назначения. Наконец за холмом показалась деревня.

В четверть седьмого вечера я был на хуторе. Нелюдимые его обыватели сразу разбежались и попрятались по избам. Я остановился посреди улицы, громко позвал старосту, и пока тот не пришел, разглядывал местные достопримечательности.

– Ну что стоишь, знаю, ко мне приехал, – раздался мужской голос.

Я обернулся и увидел высокого человека с длинным острым носом и маленькими усиками, совершенно не подходившими к его хищной физиономии.

«Без бороды, знать и вправду не старовер», – подумал я и представился:

– Чиновник по особым поручениям канцелярии губернатора.

– Я староста здешний, Григорий. Пошли, хату покажу.

Оставив коня у калитки, я направился вслед за старостой. Мы зашли в чистую светлую горницу. Бросилось в глаза, что в красном углу не было икон, но над лавкой висел католический крест.

– Не удивляйся, нам больше не надо, – заметил мой взгляд Григорий. – Всё остальное от дьявола. Огонь, вода, земля и отец небесный, олицетворяющий воздух, вот это и есть четыре конца креста. Шестиконечье ваше от сатаны пошло, от веры жидовской.

Я мысленно просил Господа простить меня за то, что вынужден слушать подобные речи.

– Живи, сколько хочешь, платить не надо. Мы богаты не деньгами и ни в чём нужды не испытываем. Можешь ходить, где хочешь, только сам разговоры ни с кем не затевай и ни во что не встревай.

Поужинав, я вышел на улицу, где, несмотря на тёплый вечер, никого не было. Не светило ни одно окно, было пустынно, тихо и одиноко. Опять прошелестел ветер, и что-то тёмное двинулось навстречу: это был мой конь. Он дружелюбно фыркнул, и я погладил его по морде. Спокойное поведение животного показывало, что жители хутора не были ни вурдалаками, ни ведьмаками, иначе конь испугался бы. Они были католиками; в то время я уже не сомневался в этом.

Откуда-то из-за деревни послышалась песня, я пригляделся и, заметив мерцающие огоньки, побрёл на них по дороге, слегка освещенной светом ущербной луны. Голоса усиливались, и мне показалось, что пел хор. Недовольный не очень-то радушным приемом, я решил втайне проследить обычаи поселян, а потому спрятался за ближайшими к действию кустами. Были виден тлеющий костер и неясные очертания собравшихся возле него людей. Высокий худощавый мужчина бросил что-то в угли, и огонь взметнулся вверх. Пламя осветило его лицо, и я узнал старосту, бормотавшего молитву на незнакомом языке.

«Чешский, польский?» – раздумывал я.

Откуда-то из темноты привели связанного человека, громко стонавшего и просившего пощады.

– Гордись, ты избранный! – закричали люди. – Святым крестом осеняем, да воссоединятся огонь, вода и земля; да благословит тебя Отец небесный!

Человека дважды ударили ножом в сердце, хлынула кровь, под которую поставили глиняный горшок. Я больше не мог смотреть на это отвратное зрелище и побежал что есть сил в деревню. Конь стоял на месте, и я бросился в дом, чтобы забрать важные вещи. Неожиданно что-то стукнуло снаружи в стену, затем еще раз и еще. Осторожно отогнув занавеску, я увидел на улице покойников с пустыми глазницами, яростно царапавших костлявыми лапами дом. С каждым мгновением всё новые мертвецы прибывали и окружали избу. В хуторе действительно не обошлось без руки нечистого. Но я за службу и не такое переживал, а потому осенил троекратно нательным крестом окно и входную дверь. До самого рассвета покойники ломались в дом и ужасно выли, а когда наступило утро, исчезли. Я вышел наружу и осмотрел деревню. Нигде не было видать ни единого поселянина. Все они попрятались на кладбище. Запрыгнув на коня, я быстро помчался прочь от страшного места. Ужасная ночь все-таки подействовала на мой рассудок, я потерял сознание и, очнувшись через некоторое время, обнаружил, что верный конь сам идёт по дороге в Дубровное.

– Да ты жив, батюшка! Пропал бы, не сносить нам головы! – приветствовал меня поп.

Больше никаких приключений я не изведаль. Все вокруг молчали, не было рассказов ни о русалках, ни о вурдалаках, а неделей позже, поправив здоровье, я выехал в Тобольск».

Забавно, – подумал я, наконец, дочитав книгу до конца. – И увлекательно! Ясно теперь почему у священника крыша поехала. Начитался ужастиков: тоже степь, тоже отдаленный хутор.

Я повернулся к стене и моментально уснул.

Глава 5. Новая встреча

Утро наступило неожиданно быстро. Я вскочил в страхе, представляя, что проспавшийся отец Тимофей, уже готовит для меня экзекуцию, дабы выполнить воображаемую миссию по спасению человечества. Однако священник все так же мирно спал. Схватив со стола кусок подсохшего за ночь хлеба и пару вареных яиц, я тихо прокрался на улицу и быстро пошел дальше в направлении Старых Хуторов.

Утренняя погода была комфортной – не жаркой и не холодной одновременно. В голове немного чувствовались остатки вчерашнего алкоголя, но меня занимало не это. Только сейчас, выспавшись и переварив все услышанное за прошедший день, я начал осознавать некую взаимосвязь событий и частичную обоснованность высказанных разными людьми версий. Версия, впрочем, была одна.

Итак, бабушка моя действительно носила фамилию Измествьева. Она всегда с азартом рассказывала о своей далекой сибирской родине, но никогда не стремилась туда поехать. Более того, я никогда не слышал от нее ничего о колдунах, ведьмаках, или вообще о загадках и тайнах мироздания. Конечно, она славилась среди соседей предсказаниями погоды, но подобным вряд ли можно кого удивить. Далее. Глаза у меня разного цвета от рождения и у бабки тоже. Но это родовая фишка, вроде носа у австрийских императоров. И ничего удивительного в этом нет, раз предки мои столетиями женились только между собой. Зрение – отличное, в старости переходящее в дальновзоркость. Конечно, для нашего времени это исключительное явление, но явно не сверхъестественное. И вообще, причем это? Следующее... Насчет лица? Да хрен его знает, что они во мне эдакого заметили. Никто и никогда раньше о моей внешности ничего особого не говорил.

Мои размышления были прерваны непривычным для этих краев звуком ревушего мотора. Я обернулся на шум и увидел поднимающий клубы пыли автомобиль, с бешеной скоростью мчавшийся по разбитой дороге. Машина поравнялась со мной и резко остановилась. Это был довольно старый «чероки» темно-синего цвета, с уже густо пробившейся по кузову ржавчиной. Я заглянул в кабину через открытое пассажирское окно и увидел коренастого мужчину в возрасте примерно тридцати с небольшим лет. Джинсовая рубашка была расстегнута, на волосатой груди незнакомца болталась массивная золотая цепь.

– Ты кто? – неожиданно грубо спросил он.

Я справедливо предположил, что обладатель подобных манер и соответственной атрибутики является ни кем иным, как представителем местной авторитетной общественности, а потому, по возможности не нарываясь на неприятности, ответил:

– Андрей.

– Че стоишь, Андрюха? – теперь уже дружелюбно крикнул мой новый знакомый. – Садись!

Я радостно принял приглашение. Чероки рванул с места и «авторитет» протянул широкую ладонь.

– Серега я!

– Очень приятно!

– В Хутора идешь? Ничего! Сейчас быстро долетим! Кстати, давно идешь?

– Со вчерашнего вечера.

– Ну, ты, блин, мужик отважный! – Сергей посмотрел на меня с видимым восхищением на лице.

– Ну не знаю, – задумчиво ответил я. – За вчерашний день мне столько всякого наговорили: про нечисть, ведьмаков, оборотней. Любой в штаны наложит!

– Ну, ты же не наложил! – водитель, смеясь, несколько раз демонстративно втянул ноздрями воздух. – Не пахнет! А про ведьмаков, не верь. Лихие люди в Хуторах живут, чужаков не любят. А лихие, не значит, плохие!

– Так что, есть основания бояться?

– Ну да! Я вот сперва опером, теперь следователем в прокуратуре уже тринадцать лет оттарабанил. Всякого навидался, а вот такого, чтобы казахи где-нибудь не селились, не встречал! Не понимаешь?

Я покачал головой.

– Считай. До границы с Казахстаном семь километров. Граница через лес идет и охраняется хреново, я скажу. В некоторых окрестных деревнях на сто коренных жителей по двадцать казахских семей приходится. А ты представляешь, Андрюха, сколько народу в каждой ихней семье?

Я улыбнулся в ответ.

– И все это за последние лет пятнадцать. А в Хуторах твоих ни одного! – Серега поднял вверх указательный палец правой руки. – Ни одного казаха! Кстати, а тебя какого рожна туда несет?

– Да вот, на праздник зовут. А у меня бабка оттуда.

– Че, правда, что ли праздник? – водила с веселым удивлением посмотрел на меня.

– Вот, открытку пригласительную прислали, – сказал я, доставая её из рюкзака.

– У них и почты то нет! Вот дела!

– Из города отправили.

– Из города? Значит, сильно ты им нужен. . . . Серега на минуту задумался.

– А я вот на охоту еду, – следователь широким жестом сдернул куртку на заднем сиденье, прикрывавшую два внушительных размеров помповых ружья.

– Так ведь не охотничьи же? – удивился я.

– Вот и я о том же, – несколько не смутился мой попутчик. Внезапно он остановил машину.

– Слушай внимательно, Андрюха! Парень я вижу, ты хороший, поэтому запоминай. Я разобью лагерь километрах в трех от деревни, на Заячьем озере. Ты, если чего заметишь необычное, не поленись, сообщи. А родственников своих слушай осторожно. Думай своей головой, если в беду не хочешь попасть. Да, Хутора сразу за холмом, – Серега показал рукой вперед.

– Иди!

– А ты?

– Не-а! Лучше поодиночке.

Я выпрыгнул из машины и быстро пошел вперед. Вскоре мне открылся вид на небольшую и живописную деревушку, все тридцать домов которой были вытянуты в линейку вдоль главной улицы. Нигде не было видно ни единого огорода или фруктового дерева, что чудесно сочеталось с запущенными и заросшими полями вокруг. Дома в Старых Хуторах были сложены из бревен, но при этом выглядели вполне современно и аккуратно. Я не заметил ни одного забора, что, впрочем, нормальное явление для людей, живущих замкнутым кругом. Оглянувшись назад, где курил возле своего джипа Серега, я махнул на прощанье рукой и уже через пять минут вступил в пределы своей таинственной исторической родины.

Глава 6. Знакомство со Старыми Хуторами

Несмотря на дневное время на единственной улице Старых Хуторов было много людей. Преобладала молодежь, а самым старым было едва за пятьдесят. Сказать, что мое появление удивило сельчан, значит, не сказать ничего. Местные быстро разбежались по сторонам и уставились на меня резкими холодными взглядами, весьма похожими на те, которыми награждала бабка, когда я по юности возвращался домой под мухой. Кажется, я начал понимать, что имел в виду водитель автобуса, пошутив насчет моего лица, которое, когда я сердился, вероятно, становилось таким же пугающим и колючим. Среди вечно раздраженных москвичей подобная особенность могла навсегда оставаться незамеченной, но здесь, помноженная на сотню ридичей, действительно перепугала бы кого угодно. Тем не менее, помня, что первое впечатление о человеке зачастую остается решающим, я с максимально уверенным и бесстрашным видом двинулся вперед к главному, судя по размерам, зданию Хуторов. На ступеньках этого дома величаво восседали трое высоких мужчин весьма колоритной внешности в дешевых спортивных костюмах и галошах на босу ногу. Первый из них был коренастым человеком с густой черной бородой и жидкой рыжей растительностью под носом, второй – абсолютно лысым, и третий – неестественно худым, но с холеными темными усиками «для красоты». Несмотря на странный вид, почему-то именно они сразу показались главными в деревне, и я не ошибся.

– Здравствуйте! Меня зовут Андрей, я из Москвы, – стараясь выглядеть так вежливо, насколько вообще был способен, представился я.

– Какой Андрей? – недовольно пробормотал сидевший в центре обладатель красивых усиков. – Мы не ждем никакого Андрея.

В это время лысый и бородатый наклонились друг к другу за его спиной и начали зло перешептываться. Я нисколько не сомневался в их агрессивных намерениях и, грустно вздохнув, уже приготовился к конфликту и возможному физическому насилию, когда неожиданно меня кто-то тронул за плечо. Я обернулся. Сзади стояла женщина, как две капли воды похожая на мою покойную бабку.

– Это мой племянник, Андрей, – сказала она. – Успокойтесь! И мы ждем его.

– Да-да! – закричал я и достал из кармана открытку. – Вот, сами же позвали.

– Поняли, поняли! – широко улыбаясь, закивали деревенские боссы. – Мы его сразу узнали. Просто пошутить хотели немного. Ты только, Валентина, поскорее уводи племяша своего с улицы, мы еще одного гостя ждем. Рано ему еще на это смотреть.

Тетка потянула за руку, и я послушно пошел за ней вслед, с удивлением оглядываясь по сторонам и наблюдая весьма странную картину. Жители дружно выбегали и перегораживали собой дорогу, идущую через деревню. Их лица казались страшными, суровыми, взгляды пронизывающими. В этот момент в деревню въехал уже знакомый мне «чероки». Двухтонный агрегат, не снижая скорости, мчался прямо на сельчан, которые не отходили. Они словно пытались собственными телами остановить машину, а Сергей не собирался сворачивать!

– Невероятно! Что они делают? – спросил я родственницу.

Однако ответа не последовало. Более того, она рванула мою руку с силой, которую я никак не мог ожидать от женщины. Сопротивляться не получалось, и я послушно побежал за теткой. Сзади раздались крики. Повернув голову, я успел разглядеть, что водителю удалось прорвать кольцо, и на большой скорости джип полетел к другому краю деревни.

С первого взгляда нравы хуторчан несколько шокировали. Что меня ждало, я не понимал, но осознал, что в некоторой степени опасения жителей окрестных сел и деревень были оправданны. Характер у моих родственников был не сахар, поэтому в любом случае следовало вести себя аккуратно.

Тетка Валентина подвела меня к своему дому.

– Извини, Андрюша, за грубость. Ты, наверно, в столице не привык к подобному обращению?

– Все нормально, – с деланной улыбкой ответил я. – Поверьте, чтобы узнать, что такое грубость, нужно денек на машине по Москве поездить.

Тетка улыбнулась в ответ.

– Входи! – пригласила она.

Я шагнул в уютный и опрятный дом, и пока хозяйка готовила еду, принялся изучать помещение. Единственная комната делилась на две части большой печкой, как это принято во многих русских деревнях. Мебель была самодельной и новой, из необработанного дерева. Вопреки моим ожиданиям нигде не было характерных для деревенских домов старых фотографий в рамках. В красном углу, завешенном салфеткой, вместо икон стоял пустой горшок. Порыскав глазами, я не обнаружил ни одной книги, журнала или газеты. Единственным украшением служили расставленные в разных углах грубо сделанные глиняные горшки разнообразных форм, да салфетки и полотенца, развешанные по стенам. Почему-то мне захотелось бежать из этого аскетического и странного мира. Но мои размышления прервал приход хозяйки. Стол быстро заполнился разной едой: мясом, птицей и яйцами. Не было никаких овощей, ни веточки петрушки, ни стрелки лучка. Отсутствовал и хлеб, что, однако, не помешало поставить на стол трехлитровую банку самогона.

Вместе с хозяйкой в комнату вошли пятеро детей разного возраста, старшему из которых было вероятно лет десять, младшему – не больше пяти. Дети расселись по углам и принялись рассматривать меня, как мне показалось, с недобрый любопытством.

– Кушай, Андрюша! – ласково предложила тетка, и это были единственные ее слова, которые я услышал за следующий час. Молчали и неприглашенные к столу дети. Тем не менее, я был доволен. Еда была вкусной, а отсутствие хлеба с лихвой компенсировалось самогонкой. Валентина ела понемножку, однако не отказывалась выпить. Наконец, с улицы раздались звуки и через мгновение, поклонившись на пороге, в комнату вошли трое уже знакомых мне мужчин. Они молча сели за стол, также, сохраняя полное молчание, разлили себе по рюмке и выпили. Только затем заговорил усатый.

– Тебе, наверно, все здесь кажется странным, Андрей?

– Ну, уж куда же странным, все нормально! – съязвил я. – Целый день мне ужасы о вас рассказывают. Автобус сюда не едет. Потом священник чуть кол не вогнал. А тут еще вы на машину бросаетесь.

Мужчины несколько секунд помолчали, и усатый продолжил.

– А ты не верь ничему, Андрей! Ведь ты же наш, хуторской. Парень ты, вижу, умный, потому сам сможешь во всем разобраться.

– Так почему же вас все боятся, почему ведьмаками зовут?

– Это кто, священник наболтал? – захохотал бородатый. – Давно пора ему уши надрать, чтобы байки по округе не рассказывал. С ним мы еще разберемся. А тебе, родич, вот что скажу. Люди мы не простые. Живем вдалеке от всех не зря, а потому что веру свою храним. Там, – мужчина махнул рукой куда-то вдаль. – Нас зовут сектантами. Ну и пусть зовут! Главное, что мы сами знаем свой верный путь. А они идут по ложному пути, да еще и не по одному. Вот ты сам-то верующий?

– Нет! – признался я.

– И правильно, гораздо проще наставить на путь истинный душу неготовую, чем уже познавшую красоту ложных толкований.

Вот куда все повернулось! Деревенские оказывается, сектанты и именно поэтому избегают общения с окружающим миром, но для верности я переспросил:

– Вы хоть христиане?

– Нет! Все христианство – суть ложное знание! – возмущенно ответил бородатый. – Мы хранители истинной славянской веры, веры пришедшей из глубины веков. Веры в землю, огонь и небо, веры в святых коров.

Теперь все окончательно прояснилось. Сказанное моими родичами напомнило байки о древнем уральском городе Аркаиме, которыми щедро снабдил меня профессор Марков. Жители Старых Хуторов решили поиграть в арийцев. Но это хорошо! По крайней мере, они не опасны, у огнепоклонников человеческие жертвоприношения не практиковались. Наверно у меня было достаточно скептическое выражение лица в этот момент, поэтому к разговору присоединился лысый.

– Андрей, я уже вижу, что тебе все это кажется бредом. Но будь посерьезней и ты поймешь, в насколько привлекательную и интересную игру ты оказался втянут. Во-первых, не думай, что мы какие-нибудь сектанты-остолопы, насылающие проклятия на телевизоры и компьютеры, умирающие от гриппа, страшась принимать дьявольский аспирин. Ничего подобного! Да, живем мы замкнуто, но с миром общаемся. Я, как и ты бывал в Москве, тем не менее вернулся сюда, потому что здесь я избранный, и каждый из хуторян это понимает и свято чтит традиции предков.

Во-вторых, действительно, мы можем показаться сектантами, причем опасными, так как даже не исповедуем христианство. Но мы никем не манипулируем, никого не вовлекаем, и уж тем более, насильно. А христианство появилось, когда нашей вере насчитывалась тысяча лет, так что еще поспорить нужно, кто есть сектант в России-матушке, а кто нет! Живем мы, кстати, на сибирской земле уже двадцать веков. Это они пришлые, с шестнадцатого века сюда переселялись. А мы всегда здесь были. Других наших родичей власть охристианила, а до нас, к счастью, так и не успела добраться.

– Что-то не складывается, – смутился я. – Славяне в Сибири...? Два тысячелетия назад?

– А ты откуда знаешь? – продолжил лысый. – Из учебников? Или у Грекова и Рыбакова вычитал?

– Нет, – честно признался я. – Даже не знаю таких.

– Тогда запоминай. Славянские народы складывались из многих родственных групп. Одно из племен обитало здесь, в Западной Сибири. Часть славян позже перебралась в причерноморские степи. Другая часть осталась, разбросанная по сибирским и уральским лесостепям. Это уже не версия, а аксиома, что славяне две тысячи лет назад жили и в низовьях Волги и на Кавказе и на Урале. Позже они были вытеснены на территорию Киевской Руси тюркскими кочевниками. Но не все, некоторые остались, не теряя связи с остальным миром все это время. По крайней мере, разговариваем-то мы на современном русском языке. Теперь ты понимаешь, в каком интересном мире оказался? – В мире чистых славянских кровей, чистых славянских традиций, и чистой славянской веры. Все оттуда.

– Боюсь только, что кровь моя изрядно подпорчена в Москве, – пошутил я.

Лысый даже не улыбнулся в ответ.

– Ничего страшного. Время от времени мы посылаем в большой свет молодежь, понабраться ума-разума. Бабка твоя была, по всей вероятности, единственной за тысячелетие, не вернувшейся назад по своей воле. Но мы ее простили. Времена такие были! Мы ценим родство, а послезавтра у нас состоится большой праздник, уходящий корнями в глубокую древность! Кстати, будет и обряд посвящения, поэтому мы пригласили и тебя. Так что, приобщайся!

– А что насчет джипа? Это тоже проявление славянского гостеприимства?

– Это ты зря, Андрей! Есть у нас негласный уговор с соседями. Мы в их жизнь не лезем, они – в нашу. Те, которые родились рядом с нами, с детства отцовским ремнем научены были, что нечего в Хутора соваться. А этого следака откуда-то из города прислали, и традиции ему не указ. Вот он и шастает вокруг, все вынюхивает чего-то. Мужики ему пару раз объясняли уже

дубиной. А он, видишь, опять приперся, не боится. Да и с органами у нас особые отношения. Так уж с советских времен повелось. А тебе что он о нас наговорил?

– Да, в общем-то, ничего плохого. Сказал, что лихие вы, но не опасные. Ну и что казахи здесь не селятся.

Мужики довольно переглянулись.

– Видишь, казахи не селятся, понимают! – снова вступил в разговор усатый. – А этот не понимает. А ты знаешь древнее значение слова «лихие»?

– Наверное, быстрые? Ловкие? – наивно предположил я.

– «Злые». Вот и догадайся, что он о нас на самом деле думает?

– А что, сюда милиции вообще доступ закрыт? Как-то нелогично получается.

– Почему же. Есть прикрепленный участковый. Только заезжает он к нам редко. Незачем, потому что. Статистики мы не портим. Преступлений в Старых Хуторах лет пятьсот не было. Мирные мы! И, кстати, завтра он приедет в Хутора. Мы его тоже на праздник позвали. Так что ты, Андрей, загружайся поменьше, как это у вас в городе говорят. Отоспись сегодня, отдохни. По окрестностям погуляй. Места у нас живописные! На девок посмотри, может, приглядишь какую, женим с радостью!

Мужчины встали, поблагодарили за угощение и вышли.

– Теть Валь, – спросил я после их ухода. – А кто это были?

– Старшие в родах. Три фамилии у нас и три рода. Тот, что с черной бородой – Славка, он у Бирюковых главный. С усиками – Дмитрий, горюновского рода. А болтливый самый – наш, Антон Измestьев.

– Это что-то значит?

– Это наша власть. Так всегда было. Один род от воды пошел, другой от огня, третий от земли. Мы Измestьевы от воды. Потому каждому роду свой староста.

– Так перемешались все за тысячу лет, породнились, – саркастически заметил я.

– И что? А традиции-то остались. У вас в городе, в чем главная беда? Порвались все связи с прошлым, а мы так не хотим. Вот ты бабушку свою хорошо помнишь? Что любила, чем занималась – знаешь?

– А вы бабушку мою помните?

– Нет. Здесь ее никто не видел. И я тогда еще не родилась, когда она в город ушла. Но старики рассказывали, что умная женщина была.

– Рассказывали? Могу я с кем-нибудь из них пообщаться?

– Да все умерли уже давно.

– Странно, эпидемия, что ли. Бабке едва за шестьдесят перед смертью стукнуло!

– Может и эпидемия, – отмахнулась раздраженная расспросами родственница и ушла в сени. Делать было нечего, и я решил отдохнуть и выспаться. Проснувшись парой часов спустя, я последовал недавнему совету и вышел на улицу поглазеть на местных особ женского пола, тем более, что в доме оставалась лишь возившаяся по хозяйству тетка, а она по-прежнему не была настроена на общение.

Уже смеркалось, и на единственной улице Старых Хуторов было темно. Местные явно не приветствовали никаких достижений прогресса. Электричество в деревню никогда не проводилось, и окна домов светились тусклым светом старых керосиновых ламп. Немногочисленные Измestьевы, Бирюковы и Горюновы сидели на лавочках и неслышно перешептывались друг с другом. Стояла почти полная тишина, лишь изредка нарушаемая стрекотом ночных насекомых. Необычно для деревенского быта, но в Хуторах не держали ни собак, ни кошек, ни любой другой живности. Отсутствие домашних животных создавало ощущение театральности всего происходящего, словно декорации построили, а оживить не сумели. Я молча шел по улице, провожаемый все теми же колючими взглядами. Никто не приветствовал меня и не пытался заговорить. И в этом странном неприветливом мире я снова запугал себя. Я даже

мог поклясться, что чьи-то пальцы касались меня под одеждой. Захотелось бежать назад в дом, но ноги, налившись чугуном, отказывались слушаться. С огромным трудом я сделал маленький шагок и к счастью наступил на сухую ветку. Даже сейчас, по прошествии нескольких лет, трудно припомнить звук, подобный раскату грома от столь незначительного предмета. И в тот же миг мне почудилось, что несколько теней метнулись прочь и растворились в темноте. «Все, хватит на сегодня приключений!» – решил я и быстро пошел назад.

Вернувшись домой, я не стал задавать никаких вопросов и постарался уснуть. Теткина железная кровать после койки в поезде и старого дивана у бабушки была настоящим чудом комфорта. Но поспать не удалось. Посреди ночи кто-то толкнул меня в спину. Я резво подскочил, огляделся и не обнаружил никого рядом. Можно было подумать, что мне опять померещилось и упасть в кровать, если бы не ноющая боль в спине.

Я достал из дорожной сумки фонарик и осмотрел дом. Он был пуст. Дети и те исчезли. Я вышел на улицу и постучался к соседям. Входная дверь была не заперта и, заскрипев, открылась от моих ударов. Осторожно заглянув внутрь, я понял, что и здесь никого не было.

– Да что же это за место такое! – закричал я в ярости и отчаянии.

Загадки и тайны уже достали меня, но не желали прекращаться. «Куда делись все жители? Почему они так неожиданно оставили деревню? Что, наконец, будет со мной?» Тревожные раздумья прервались, когда на другом конце деревни мелькнул человеческий силуэт. Я побежал за незнакомцем, тот шагал очень быстро, ни разу не обернулся, и вскоре вышел из деревни в степь. Это уже становилось интересным. Теперь я уже не хотел быть замеченным и продолжал преследование перебежками. Но стоило на секунду отвлечься, как незнакомец таинственным образом исчез. Но уже через мгновение все мое внимание переключилось на движущиеся вдалеке огни. Полежав недолго в траве, я, согнувшись, побежал вперед, чтобы вблизи разглядеть то, что местные не желали показывать, и нырнул в густой кустарник, разросшийся в полусотне метров от места события.

Это была незабываемая картина! Пять больших костров полыхали вокруг огромной кучи хвороста, очевидно предназначавшейся для кульминации ритуала. Люди в черных плащах, с факелами в руках, радостно кричали и танцевали вокруг огня. Трое из них, выполнявшие роли жрецов, сжимали в руках по большому ножу. Нетрудно было догадаться, что они являлись моими вчерашними знакомыми. Действо сопровождалось громкими криками на неизвестном языке и чтобы расслышать, я подполз ближе, прячась за многочисленными холмиками.

«Наверно, это какой-то древнеславянский ритуал», – решил я, но вскоре к своему ужасу убедился, что он не был мирным. Один из жрецов запалил хворост, и пламя быстро взметнулось вверх. Стало светло как днем. Из ближайшего леса вывели обнаженного до пояса мужчину. Пленник был без сознания и только у костра, когда его связывали крепкими веревками, кажется, начал что-то понимать и громко застонал. Жрецы, бормотавшие заклинания, по очереди сделали надрезы острыми ножами на груди жертвы, а затем один из них подал знак рукой. Несчастного тут же подняли на руки несколько сильных мужчин и бросили в бушующее пламя. Ужасный вопль погибающего человека разнесся по безмолвной степи. Толпа в ответ радостно заорала, потрясая факелами.

«Все хватит!» – подумал я. – «Надо бежать! Причем срочно. Совершенно очевидно, с какой целью меня пригласили. Ведь я без роду, без племени, без родственников и друзей. Кто меня искать будет, да и когда? А им наверно нужно очистить свой род от позора, от потомства моей взбунтовавшейся бабушки». В эти секунды у меня не было ни единого сомнения в том, что я должен стать следующей жертвой, и я бы бежал, и вероятно, подписал себе смертный приговор, но судьба внесла неожиданные коррективы. Земля подо мной неожиданно зашевелилась, а странные холмики вокруг затряслись. В страхе я отбежал назад к зарослям кустарника. Спрятавшись там, я увидел сцену, которую наблюдал наверно уже раз тридцать в фильмах ужасов, но никак не ожидал созерцать вживую. Оказывается, церемония проводилась на ста-

ром кладбище! И холмики, за которыми я прятался, были заросшими травой могилами. Сейчас они открывались, освобождая путь покойникам из подземного царства в мир людей.

Поднявшись наверх, мертвецы издавали громкие гортанные крики и медленной походкой шли к огню. Толпа живых громкими криками приветствовала каждого. Один из покойников был всего в десяти шагах от меня, поэтому я мог хорошо видеть его обезображенное лицо и висящие лохмотья одежды. Покойник словно почувствовав взгляд, неожиданно остановился и несколько секунд рассматривал мое убежище. Я затаился, как мог. Секунды казались вечностью, сердце выпрыгивало из груди, напряжение было невыносимым, и я потерял контроль над телом. Руки и ноги онемели. Дыхание стало прерывистым. Ужас овладел мной целиком, и я рухнул без сознания.

Глава 7. Расследование

Я очнулся от неприятного ощущения. Холодная вода, струйкой сбегала по волосам, лицу и стекала за пазуху. Открыв глаза, я увидел священника, закрывавшего пластиковую бутылку.

– Проснулся! Хорошо! – с видимой радостью сказал отец Тимофей. – Я молился за твое спасение.

Я с трудом приподнялся и осмотрелся вокруг. Только начинало светать, но уже хорошо было видно территорию ночного кошмара. К моему удивлению, хотя кострище еще дымилось, кладбище выглядело непо потревоженным могилы казались нетронутыми, а буйная трава на них не была примята ужасными лапами покойников.

– Они ушли? – спросил я у батюшки.

– Да, с час уже.

– Вы это видели?

– К счастью нет, – ответил отец Тимофей, крестясь. – Бог оградил меня от лицемерия дьявольских игр.

– Каких игр!? – я едва не сорвал голос от крика. – Они человека сожгли! Понимаете? – Сожгли заживо!

– Понимаю, понимаю. Вот и ты разумом ослаб. Откуда ж человека им взять? Тут на двадцать километров вокруг нет ни одной христианской души, а своих ведьмаки жечь не станут.

– Но я видел! И еще, батюшка, они с нечистью дружат.

– Это может быть, это может, – согласно забормотал отец Тимофей. – Я ж для того здесь и поставлен церковью, чтоб людей от нечисти спасать.

– Здесь ночью покойники из могил вставали!

– А вот это почудилось тебе. Ведьмаки – они сами много чего сделать могут, а с потусторонним миром не общаются. В общем, нельзя тебе, Андрей, дальше в Старых Хуторах оставаться. Надо бежать! Бежать, не заходя в деревню!

– А как ты здесь, батюшка, оказался? – задал я резонный вопрос. Священник был для меня таким же странным и непонятным человеком, как и новые родственники.

– Зов во сне услышал. Когда я прибежал, язычники расходились уже. Я спрятался от них в кустах, где и нашел тебя. Значит, не зря среди ночи спешил!

– И все-таки мертвецов я видел!

– Это тебе почудилось Андрей! Насмотрелся ты ужаса, вот и выдумал.

– Выдумал? А помните книгу, которую вы мне подсунули? Она об этой деревне? Скажите немедленно!

– Может быть, – нерешительно пробормотал священник.

Я вскочил и начал зло пинать ближайшую могилу.

– Выдумал! Выдумал! Несколько часов назад вот отсюда такая хреновина вылезла! Куда она делась?

– Я не удивлен, что атмосфера кладбища и лицемерие мерзких обрядов привели тебя к фантастическим видениям. Степь лечит себя, но не настолько же быстро. Поэтому оставь могилу в покое и бежим отсюда.

– Нет! – решительно ответил я. – Думаю, мне надо остаться в Хуторах ненадолго. Есть одно дело, которое нужно закончить.

– Но ведь ты подвергаешь себя смертельному риску!

– Ничего! Полагаю, раз праздник намечен на завтра, то сегодня я буду в полной безопасности. К тому же в деревне остались мои документы и деньги, а, поверьте, для людей без документов милиция куда опаснее, чем покойники.

Священник благословил меня и почему-то направился к кострищу. Я в свою очередь пошел в деревню, попутно обдумывая дальнейшие действия. А подумать было о чем. Мое исчезновение уже наверняка заметили. Возможно, меня схватят и запрут до нужного момента. Имелся, правда, шанс отговориться. Но в любом случае я должен был помочь смелому человеку. Сейчас я уже не сомневался, что мой вчерашний знакомый появился здесь неспроста. И его работа в прокуратуре, и недовольство жителей деревни, явно указывали на то, что Сергей Андреев знает что-то важное. Если бы я добрался до него, то смог бы предупредить об опасности. Но я не знал, где находится Заячье озеро, и потому для получения ответа на этот вопрос вернулся в дом моей предполагаемой родственницы.

Таиться было незачем, все и так не спали. Тетка с безразличным лицом пригласила к столу, за которым меня поджидал Антон Измestьев.

– Садись, завтракай! – непринужденно пригласил он.

Я налил себе полный стакан молока и залпом выпил.

– Жажда мучает? Где шатался?

– Гулял.

– Ну, гулял, так гулял! – почему-то безразлично согласился Измestьев и, неожиданно изменив интонацию, спросил:

– Прямо с рассвета и ушел?

Положение мое было неоднозначным. Я не знал, должен ли был видеть то, что видел прошедшей ночью, а потому решил оправдываться максимально правдиво, избегая лишь малейших, но существенных деталей. Впрочем, беседа оказалась недолгой.

– Да, встал около шести и прогулялся по окрестностям. У вас тут сильно не разоспишься: то душно, то комарье. А под утро вообще крик такой слышал, что мертвого разбудить можно!

– Комары в конце сентября? Интересно! А еще крик, говоришь? Мертвого? – Антон гаденько улынулся.

– Вот именно, мертвого! Я вскочил, а в доме никого нет. Я думал, что-то случилось, на улицу побежал, к соседям начал стучаться. Но и там – ни души. Вот я и пошел всех искать.

– Ну и что нашел? – лицо собеседника снова стало безразличным.

– Нет! Только бродил по колдобинам. Весь перепачкался.

Одежда моя действительно была грязной и в репьях. Или мой рассказ выглядел правдивым, или Антон услышал именно то, что желал услышать, но только, похоже, он потерял интерес к моей персоне. Антон пил чай и больше ни о чём не спрашивал меня.

Подошла хозяйка.

– Что же ты, Валентина, за гостем не следишь? – ехидно спросил Измestьев.

– Ты, Антон, за своей бабой приглядывай, куда она по ночам шастает. А ко мне не приставай!

– Ладно. Не горячись. Пойду я! – захохотал гость и, повернувшись ко мне, спросил: – Может, вопросы есть какие? Может, помочь чем?

– А где Заячье озеро находится?

– Зачем тебе туда? Соленое оно, мертвое – ни рыбы, ни живности.

– Бабка когда-то рассказывала, – соврал я. – Хочется посмотреть.

– Ну, смотри, турист! В беду попадешь, помогать не станем.

Впрочем, последняя фраза не прозвучала угрожающе. Антон поднялся из-за стола и вышел из дома. Тетка Валентина сразу подседа ко мне.

– Куда ходил? – доверительно поинтересовалась она. – Не бойся! Мне ты можешь сказать.

– Вас искал, – с искусственным безразличием на лице ответил я.

– На кладбище был?

Я оказался в трудном положении. Тетка могла знать больше, чем я предполагал, но могли ей доверять? А может, она провоцировала меня?

– Еще не был, но желал бы сходить. Говорят, что степное кладбище – вещь весьма занимательная.

– Признавайся, а Заячье озеро зачем тебе понадобилось?

– Тоже любопытно.

– Смотри, долюбопытствуешься! Мужики не зря тебя предупреждают. Много опасностей в степи. Ну да как хочешь! Выйдешь на ту сторону деревни, потом вдоль дороги километра два, а там справа увидишь большое озеро. До него еще километра два будет.

Я поблагодарил тетку за заботу и, незаметно взяв деньги и документы, но, оставив рюкзак с вещами, чтобы не вызывать подозрений, отправился к месту, где должен был находиться Сергей.

Проходя через деревню, я внимательно оглядывал ее пустые улицы и закрытые ставнями окна. Словно бы завтра ожидался не обещанный веселый праздник, а какое-то неприятное всем событие. Впрочем, шел я быстро, вскоре миновал последний мрачный дом и уже через минут сорок увидел знакомые очертания «чероки». Сергей сидел у костра и наблюдал, как поджаривается толстый кусок докторской колбасы. Мое неожиданное появление не удивило его.

– А, привет, Андрюха! А я тут перекусить собрался. С чем пришел?

Я подробно и в красках изложил все, что увидел за последние сутки. Следователь выслушал меня внимательно, ни разу не перебив и ни разу не улыбнувшись, сколь бы фантастические вещи я не описывал.

– Что же, – подвел черту Сергей. – Думаю, все это была клоунада, цирк специально для тебя, со спецэффектами и дорогостоящими трюками, но все же цирк.

– Ну а если бы я не пришел на кладбище, для кого бы они тогда жгли костер?

– Не будь легковерным, Андрюха! Ты же сам сказал, что проснулся от толчка в плечо. Кто-то сначала разбудил тебя, а потом осторожно проводил на место представления, да так, что ты до сих пор веришь, что все сделал сам.

– Признаюсь, и у меня один раз мелькнула подобная мысль, – согласился я.

– Все логично! Смотри сам! Когда ты пришел, все жители Хуторов уже находились на кладбище. Очевидно, что и ушли они все из деревни вместе. А этот что, за спичками возвращался? Значит – его специально за тобой послали.

– А как же сожженный? Он кричал так натурально.

– Интересный, конечно, вопрос. Но на него мы сможем ответить, если осмотрим место происшествия.

– А мертвецы? Ведь сволочью буду, если совру: ясно видел – они вылезали из могил и ходили по кладбищу!

– Не нервничай, Андрюха! Вскрытие все покажет.

– Ну а священник, что он?

– Вот роль священника мне не ясна. Не пойму никак, какое значение он имеет для всей этой братии? Думаю, им интересно, чтобы ты поверил в театральную постановку. Но батюшка-то старательно разубеждал! Что-то не сходится. Но, с другой стороны, какой голос, спрашивается, он услышал во сне? Не верю я во все это! Следовательно, священник знал о предполагаемом спектакле и ночью прятался где-то рядом. Но все равно суть не в этом: раз этот Голливуд был показан специально для тебя, значит – ты представляешь весьма большую ценность для родственничков. Ты сам-то не догадываешься, почему?

– Нет! – покачал я головой. – Может сжечь хотят?

– Не грузись, не станут такой бюджет на покойника расходовать!

Действительно, зачем? Неожиданно я догадался, почему батюшка остался у кострища.

– Серега, нужно срочно ехать на кладбище! Я думаю, святой отец сейчас уничтожает следы преступления, если уже не уничтожил!

– Только потрясет нас немного! – засмеялся следователь. – По полям, по канавам поедем. Через деревню я больше не хочу!

Сергей затушил костер, и джип запрыгал по степи. Минут через двадцать мы прибыли на место ночного представления.

– Вот видишь, священник не прост, на машине назад уехал! – мой спутник показал носком ботинка на след колеса. – Судя по размеру, это был УАЗик. Да и что еще сможет сюда проехать!

– Но у батюшки не было машины, – возразил я.

– Была – не была, какая разница! Увез же его кто-то! – следователь, кажется, потерял интерес ко мне, наклонившись над кострищем. – Я лучше останки жертвы поищу! Да и ты поброди, может, что интересное попадется.

Оставшись без внимания, я медленно шагал по кладбищу, пытаюсь отыскать хоть какие-нибудь отгадки, пока не забрел в ближайший березовый лесок, где на глаза сразу же попала прикрытая ветками большая куча. Сломал длинную палку, я осторожно откинул верхние ветки и увидел черные плащи и виниловые маски мертвецов, какие продаются в любом магазине приколов. Все прояснилось! Конечно, в темноте человек, одетый в подобный костюм мог легко сойти за настоящего покойника. Удивляясь собственной наивности, я понес показать маску Сергею. Но тот, с головой увлеченный поисками, никак не реагировал на меня. Я решил еще раз осмотреть кладбище, ведь кое-что не укладывалось в общую стройную картину заговора: я отчетливо помнил, что мертвецы вылезали из-под земли, однако трава на могилах выглядела нетронутой, и ничто не указывало на подземные ходы и пустоты. Как же тогда проделали этот трюк? Впрочем, можно было предположить, что мнимые покойники прятались под сеном и ветками... Внезапно, я споткнулся и с размаху грохнулся на землю. Чертыхаясь и отряхивая с одежды траву, я с ужасом заметил, что стало причиной падения: в шаге от меня, небрежно присыпанный листьями, лежал мертвый священник!

Следователь подбежал на мой вопль и деловито перевернул тело на спину.

– Убит. Судя по всему из «макара». Так, жизнь преподносит все больше и больше сюрпризов!

– Значит, батюшка все-таки был не причем?

– Да какая теперь нам разница! Завалили его, вот это имеет значение! – расстроено произнес Сергей. – Так, маску верни обратно. Пусть все останется, как было. И быстро в машину! «Чероки» резко рванул с места.

– Слушай, Андрюха! Не хотел я тебе всего рассказывать. Но, видимо, придется. Хоть и родственник ты хуторских, но вижу мужик хороший! Я это еще вчера заметил. У меня на людей глаз наметанный. Били мы московских в армии. За это прости, но сейчас без тебя никуда! Помощь твоя нужна!

– Что ж помогу, если надо, – согласился я.

– Это хорошо, Андрюха! Слушай. Есть большой секрет у хуторских. Таскают твои родственники золотишко. Много золота. Сотни килограммов в месяц!

– Откуда у них золото? – удивился я.

– Если бы я знал, не работал бы здесь! Но это факт. То ли из Казахстана ташат через границу, то ли здесь где-то копают. Однако, золото низкопробное, самодельное.

– Есть доказательства?

– Практически никаких, но имеются основания.

– Серьезные?

– Очень. Полгода назад в областной прокуратуре, где я работаю, умер следователь. Скончался от сердечного приступа. Обычное казалось бы дело работа нервная, алкоголь, курение. Да вот только в рот покойного воткнули перед смертью кусок золота, граммов на двести. Вот ты следствием никогда не занимался, но чтобы предположил в этом случае?

– Наверно, чья-то месть?

– Вот ты понимаешь, я понимаю, а начальство не понимает. Закрыли дело за отсутствием состава преступления. А, на мой взгляд, глупо предполагать, что некий неизвестный будет день за днем с куском золота в кармане терпеливо дожидаться, когда же умрет следователь Иванов!

– Согласен! Это больше похоже на знак мафии. Мол, наказан за жадность.

– Совершенно верно! А скажи мне, много у тебя золота?

– В смысле...?

– В простом. Сколько килограммов золота у тебя дома, в машине, в карманах, на шее, на руках?

– Ну, грамм десять наберется.

– А из этого следует, что люди, убившие моего коллегу, имеют столько золота, что обнаруженный у покойного кусок для них ерунда. Поэтому картина сложилась такая. Иванов перед смертью рассматривал дело об исчезновениях людей. Точнее несколько дел, объединенных в одно и переданное к нам в область. Все следы вели в Петуховский район. Иванов несколько раз ездил сюда в командировку, и последний раз вернулся сильно взволнованным. Уж поверь, это было не обычное возбуждение: по лицу чиновника было видно, что он напал на большие деньги! Я давно работаю в системе, и уж поверь: все мы не без греха! На следующий день после возвращения Иванова убили. Я полагаю, что вызвали искусственный сердечный приступ и оставили знак мести.

– Логично! – согласился я.

– Знаю, но дело об убийстве не возбуждали. Поэтому здесь я в порядке личной инициативы. Вот если бы мне удалось хоть что-нибудь накопать!

– Сергей, ответь мне на важный вопрос.

– Да?

– Что тобой движет: тайна или нажива?

– Буду честным: и то и это. Подзаработать я был бы совсем не против. А ты против, Андрюха?

– В принципе, нет! – признался я. – Но еще важнее разобраться со всей этой чертовщиной!

– Вот-вот! А сейчас смерть священника все карты спутала. Рушится картина. Нужно искать, кто его завалил!

– По-моему, дырка от «Макарова» и следы Уазика говорят о том, что это кто-то из твоих коллег.

– Ты тоже так думаешь?

– А что думать? Сегодня должен местный участковый на праздник приехать.

– Корниенко, что ли?

Я не знал фамилию участкового и пожал плечами в ответ.

– Ну, относительно него я давно не сомневаюсь! Такую домину отгрохать! Здесь нормальному менту и своровать нечего. Гаишники петуховские в командировку в областной центр месяцами просят! А у этого дом в два этажа! Если, Андрюха, его на трупе крутануть, он бы много рассказал.

– Наверно, – согласился я.

Тем временем мы вернулись к Заячьему озеру.

– Сейчас от тебя требуется помощь. Дуй в деревню и проверь, приехал ли участковый? – дал напутствие мой приятель. – А если приехал, то на чем? В любом случае, будь внимателен к деталям, ничего не бойся и никому не говори о нашей поездке. Да, и еще, – крикнул Сергей вслед, когда я уходил.

– Фамилия моя – Андреев. Я следователь областной прокуратуры. Запомнил?

– Да.

– Главное, не бойсь! Если гадов не схватим, то хоть бабок сорвем на всю жизнь, Андрюха! Озадаченный, но не напуганный я возвращался в Старые Хутора. Страх уступил место интриге, жажде узнать, то, что от меня скрывали. Не зря говорил Антон Измestьев, что я стал участником интереснейшей игры. И меньше всего мне хотелось оставаться наблюдателем.

А в деревне все было по-прежнему уныло, правда, несколько жителей появилось на улице. Они сидели на лавочках и равнодушно провожали меня взглядами. «Интересно», – подумал я, – «Чем они на жизнь зарабатывают? Хотя, если принять предположение следователя...». Я в удивлении остановился: Узик с надписью «милиция» на борту стоял возле теткиного дома.

– Вот сюрприз! – воскликнул я и вошел в дом.

Милиционер в погонах капитана сидел за столом и оживленно беседовал с Валентиной. Заметив меня, она радостно произнесла:

– А, Андрей, вернулся! Иван Сергеич, знакомься: племяш мой из Москвы.

– Очень приятно! В армии служил?

– Приходилось.

– В каких войсках?

– В ПэВэО.

– Хорошие войска! – широко улыбнулся участковый. Удивительно, но могло показаться, что его искренне волновала моя армейская служба, тем более что и через полчаса он все так же приветливо беседовал со мной и без меры подливал теткину самогонку, до тех пор, пока организм не забил в колокола.

– Я во двор! – вставая, громко сказал Иван Сергеич. – Андрюха, не желаешь?

Я желал. Однако на заднем дворе, участковый внезапно прижал меня к стене дома. Упершись локтем в кадык, он зло процедил сквозь зубы.

– На кладбище был? Знаю, был. Вон весь в золе перепачкался.

– Был, – признался я, обескураженный нестандартным продолжением застолья.

– Это хорошо, что не врешь. Священника ты уложил? Я был застигнут врасплох, и не знал, что отвечать.

– Так его же из пистолета?

– А откуда о пистолете знаешь? Ты что судмедэксперт, чтобы в дырках разбираться? – участковый больно надавил мне на горло.

Я не мог отвечать и лишь судорожно глотал воздух. Заметив это, милиционер ослабил давление.

– Кто с тобой был? Говори!

– Не было никого...

– Врешь! – зарычал капитан, наконец, отпустив меня, но, принявшись бесцеремонно обшаривать мои карманы. – Так! Уже и бежать приготовился!

Деньги и документы быстро перекочевали в милицейский китель.

– Хочешь, назад отдам?

– Конечно.

– Ладно, только поговорим сначала. Хорошо? Присаживайся!

Мы примостились кто на чем.

Лицо капитана изменилось: стало дружелюбным и располагающим к беседе.

– Ты извини, если что не так! Нет у меня ничего против тебя, Андрюха! Да и сажать тебя, лошка столичного, нет никакого желания. Но и меня пойми! На этом участке никогда мокрых дел не было. А теперь есть! – участковый с досады ударил кулаком по бревну. – Начальство и так бурчит на меня третий год, а теперь точно съест! Да еще и труп батюшки... Журналисты понаедут! Будут кричать, мол, убийство совершено сектантами. А сектанты вот они, под боком!

Ну, а тогда снимай погоны, Корниенко! Поэтому, понимаешь, нужен мне знакомый твой, тот, что с «пушкой».

Слова участкового не показались искренними. Все-таки пока я доверял следователю Андрееву больше, поэтому начал рассказывать о происшествиях в Хуторах, тщательно избегая нежелательных подробностей.

– Не мог он убить! – закончил я свое повествование.

– Почему?

– Я священника утром живого видел. Разговаривал с ним. Потом на озеро пошел.

– И что?

– Следователь завтракал, колбасу жарил.

– Уже интересно!

– Затем мы на джипе на кладбище поехали.

– А там?

– А там священника убитого нашли.

– Убитого? Почему решил, что батюшку убили?

– Андреев сказал, что дырка от «макара».

– Кто труп нашел? Ты или он?

– Я.

– А знакомый твой, где в это время был?

– Костер осматривал. Честно говоря, я подумал, что это вы, товарищ капитан, его убили.

– Я???

– Ну, следы УАЗика и опять же «Макаров». И еще я знал, что вы сегодня приедете.

– Отлично! – капитан покраснел от возмущения. – Вот делать мне нечего; ездить по деревням, священников мочить и статистику себе же ухудшать!

– Так вы были на кладбище, товарищ капитан?

– Конечно, был. И не скрываю этого! А вот к тебе у меня вопрос, какого хрена ты потащился туда? Да еще и на рассвете! На зайцев охотиться?

– Нет.

– Понимаешь теперь, что если бы я хотел, то расколол тебя в один миг. Но, чувствую, не ты это. Интуиция!

– Так и к вам вопрос имеется. Почему покойника на кладбище оставили? Ведь вы же милиционер!

– Думаю что делать. То ли группу вызывать, то ли... В общем, на хрен мне проблемы нужны!

Судя по виду, капитан был искренне расстроен.

– А ты тоже молодец! С кем попало познакомишься, а потом веришь всему. Ты хоть ксиву у него посмотрел?

– Нет!

– А откуда тогда знаешь, что следователь из прокуратуры это, а не Иван Иванович Пупкин? Он и на кладбище мог успеть сгонять пару раз, пока ты пешком в деревню шел, священника убить, а позже на озеро вернуться.

В словах участкового, при здравом рассуждении, имелась частица логики. Я в очередной раз доверился человеку, даже не удосужившись узнать о нем подробнее. Этот хоть в форме был.

– А на кладбище, – продолжал капитан, – дружок позволил тебе тело обнаружить. И, кстати, «макар» у него тоже должен иметься. Да и в дырках мы не большие спецы. Может, из ружья батюшку грохнули?

– А что же вы меня, товарищ капитан, чуть не придушили?

– Да потому что приезжие у меня в первую очередь на подозрении!

– А местные не могут?

– Нет! Сектанты. Оружия не держат.

Капитан достал сигарету и прикурил.

– А тебе что, еще не рассказали? Нет?

– Нет, – признался я.

Участковый засмеялся.

– У родичей твоих оружие пострашнее огнестрельного имеется. И пользуются они им против чужаков нередко. Потому и боятся все сюда ходить.

– Может, расскажете?

– Ну, давай! У хуторских способность есть людей запугивать. Спрячутся в кустах и глядят на человека, волны свои посылают. Бедняга сначала начинает думать о чем-то ужасном. Думает, думает, додумывается до такой степени, что руки-ноги у него отнимаются или вообще без сознания падает.

– И убивают?

– Смешной ты человек. Нет, конечно! Мирные твои родичи. Иначе все по тюрьмам давно бы разъехались. Но мне показывали, как это делается. На своей шкуре испытал. Ощущения, скажу, не из приятных! А ты сам, не умеешь что ли?

– Нет.

– Странно. Ну, у тетки, Валентины Петровны спроси. Она научит! Способности у тебя имеются. У вас, хуторских отметка на морде есть – глаза разного цвета. А в городе пригодится!

Участковый довольно засмеялся, видимо представив, как я буду запугивать жителей Первопрестольной.

– Пойдем, доедим! Наверно остыло уже. А потом к другу твоему отправимся. Может, он расскажет что-нибудь путное.

– А деньги?

Милиционер лукаво посмотрел в мою сторону, без слов вернул паспорт и небольшую часть денег.

– Когда уезжать будешь, отдам остальное. Здесь тебе они вообще не понадобятся.

Спорить возможности не было, и мы сели за стол, вновь накрытый за время нашего отсутствия и украшенный трехлитровой банкой деревенской самогонки. Выпивая и закусывая под веселый и нескончаемый треп капитана, я старался больше ни о чем не думать и ничего не предполагать. Стройные версии создавались и рушились на глазах. Верить было некому. Все пытались что-нибудь утаить от меня и при этом ожидали полного доверия к ним. Оставалось лишь расслабиться и отдаться произвольному течению жизни.

Глава 8. Страшная ночь

Было уже полпятого, когда мы изрядно повеселевшие встали из-за стола. Участкового сильно покачивало.

– Айда, Андрей, к другу твоему, следователю! – хмельным голосом позвал он.

– А что с бабушкой? – поинтересовался я. – Целый день на солнце лежит, жалко.

– Пусть валяется! Может, звери растащат! – пошутил и сам рассмеялся Корниенко.

– Нет! – возмутился я. – Давайте сперва с телом разберемся!

– Ну, хорошо! Следовало бы в морг его отвезти, да куда я в таком виде поеду! Давай, Андрюха, прикопаем его до завтра.

Милиционер бросил две лопаты в багажник.

– Не поздно в степь собрались? – спросила тетка весьма серьезным голосом. – Через три часа темнеть начнет.

– Так посветим! – засмеялся в ответ капитан.

– Да я не о том! – расстроенная нашим безрассудством тетка махнула рукой. – Страшная ночь сегодня будет. Ворота на тот свет откроются, нечисть по улицам гулять будет.

Участковый наклонился и зашептал мне на ухо.

– Хуторские верят, что раз в год перед праздником покойники из могил вылезают и по окрестностям бродят!

– Ну, Иван Сергеич, верь не верь, – вмешалась моя родственница. – А как наступит темнота, предупреждаю, тебя ни в один дом не впустят. Даже если убивать на улице будут. Тем более если будут убивать....

– Да, знаем, знаем все, Валентина! – милиционер раздраженно отмахнулся, и многозначительно похлопал себя по кобуре. – Начеку будем! И мотнуться нам всего час-полтора!

– Ну, как хотите! Только, Андрей, – тетка повернулась ко мне. – Как увидишь что неизвестное или кого незнакомого – беги, что есть сил. На тебя в последнюю очередь нападать будут. Так что беги, пока капитана на куски рвать будут.

– Вы это серьезно? – спросил я, улыбнувшись.

– Шутить и не собиралась! – решительно ответила моя родственница.

– А подробнее можно?

– Если живым останешься, то завтра на празднике узнаешь!

Последняя фраза не давала повода для оптимизма, но я уже начал привыкать к многочисленным странностям местной жизни и вдобавок алкоголь усиливал ощущение безопасности. Через минуту мы уже находились в УАЗике, а через десять наслаждались безрадостным видом Заячьего озера. К моему удивлению, Сергей снова сидел у костра и опять сосредоточенно жарил что-то на шампуре. Увидев нас, он подскочил и шагом уверенного в себе человека направился к участковому. Лицо его было напряженно серьезным и выражало крайнюю степень готовности к пролитию крови. Пошатывавшийся от выпитой самогонки капитан выглядел на его фоне жалко, но, заметив приближающегося противника, горделиво выпрямился. Я не желал стать участником яростного столкновения представителей правоохранительных структур, поэтому благоразумно отошел в сторону, выбрав себе отличную точку для наблюдения за дракой. Но мои знакомые биться не стали. Сперва они по очереди доставали и протягивали друг другу удостоверения, долго кричали друг на друга и усиленно жестикулировали, а через минут десять неожиданно обнялись и, улыбаясь, пошли в мою сторону.

Следователь достал из озера бутылку водки и пригласил нас к импровизированному столу. Сил и желания отказываться не было, и только после того как опустела вторая бутылка, Сергей встал и пошел к машине.

– Все, Андрюха! Поехали место происшествия осматривать!

– На двух помчимся! – добавил участковый.

Но как бы мы не торопились, когда подъехали к кладбищу, уже начало темнеть.

– Серега, надо быстрее работать! А то скоро мертвяки попрут. Да, Андрюха? – милиционер весело подмигнул мне.

– Опаньки! – закричал следователь. – А тела-то нет!

Мы подбежали к Андрееву. Действительно, там, где я сегодня видел убитого священника, сейчас было совершенно пусто.

– Может зверье? – неуверенно предложил капитан.

– Давайте вокруг поищем! – предложил Сергей.

Мы разошлись в разные стороны, но долгих поисков не получилось. Солнце зашло неожиданно быстро, и наступила почти полная темнота. Мы вновь собрались у машин.

– Давайте оставим это гнусное дело до завтрашнего утра! – предложил Сергей.

Мы были склонны согласиться и Корниенко уже крутил стартер «УАЗика», когда я заметил приближающийся силуэт.

– Смотрите! – крикнул я.

Следователь вынул из бардачка фонарик и осветил. Я не верил своим глазам, это был священник, и его наружность могла ужаснуть любого. Ряса и накинутый на нее сверху старый пиджак, были перемазаны черноземом и облеплены репьями и колючками, как и давно нечесанные волосы, но пугало не это. На грязном и темном от пепла лице зияли черными дырами пустые глазницы.

– Мертвяк, блин! – почему-то захохотал участковый и укоризненно произнес.

– Кто бы мог подумать, отец Тимофей! Как тебе не стыдно!

Батюшка в ответ оскалится и зарычал, подтвердив ужасные подозрения. Не говоря ни слова, Сергей схватил помповое ружье и выстрелил в мертвеца. Тот рухнул. Корниенко передернул затвор табельного пистолета и осторожно подошел к покойнику, лежавшему без движения, но в момент, когда милиционер ослабил бдительность и обернулся к нам, тот затрясся крупной дрожью. Реакция у капитана оказалась отменной. В несколько секунд он выпустил всю обойму из «Макарова» и, нервно шатаясь и потирая потные от волнения руки, побрел к нам.

– Вот блин! Не думал увидеть такое! – крикнул Корниенко, не подозревая, что это его последние слова. Через мгновение он взлетел на воздух словно перышко. Невесть откуда взявшиеся мертвецы разрывали милиционера за руки и ноги в разные стороны. Брызнула ручьями кровь. Капитан истошно завопил, я дернулся на помощь, но был остановлен сильной рукой следователя.

– Даже не думай! Я уже с ними встречался! Все бесполезно!

Сергей бежал к машине и тянул меня за собой.

– Быстрее, Андрюха! Ноги! Ноги!

Я, мчался резво, как только мог, не оглядываясь назад и слыша за спиной шум погони. Только не споткнуться, только бы не упасть! С невероятной прытью я скакал через кусты и могилы и, наконец, запрыгнул в джип. Громко матерясь, следователь завел машину и, через мгновение «чероки» неся, не разбирая дороги, по ночной степи, да и времени на это не было. Единственным нашим шансом на спасение могла стать негостеприимная деревня, где еще можно было рассчитывать на укрытие и защиту. Но мертвецы не отставали, и уже у первых домов один из них запрыгнул на крышу автомобиля. Раздались глухие удары по металлу.

– Все, Андрюха, кранты! – закричал Сергей. – Приготовься...

Он недоговорил. Джип на скорости влетел в плотную кучу поджидавших нас в Хуторах покойников и перевернулся на крышу. Не знаю как, но я выбрался из машины и побежал к ближайшему дому. Как и обещала тетка, двери были закрыты. Тогда я бросился к окну – беспо-

лезно. Массивные деревянные ставни надежно укрывали тех, кто прятался внутри. А я был совершенно уверен, что за толстыми стенами сейчас трусливо дрожали мои родственники.

Казалось, их дыхание и страх проникали наружу даже сквозь толстые стены. Но я не испытывал страха, одно лишь желание выжить руководило моими поступками, и ноги сами несли меня к соседнему дому. Внезапно сзади раздались выстрелы. Ура! Значит следовательно не погиб. Я на миг обернулся и увидел, как, забравшись на перевернутый джип, Сергей палил по сторонам из ружья в тянущих к нему руки мертвецов. Покойники окружили его такой плотной массой, что было совершенно понятно – у следователя нет никаких шансов. Однако пока они занимались моим несчастным приятелем, шанс был у меня. Убедившись, что никто в деревне не имеет ни малейшего желания спасти мою душу, я вспомнил о погребе, находившемся на заднем дворе. К счастью толстая дубовая дверь оставалась незапертой. Я быстро нырнул внутрь и спешно забаррикадировал вход ящиками и тяжелыми мешками. Лестница в несколько ступенек увела меня вниз, туда, где обычно хранятся ряды банок с домашними заготовками и картошка с капустой. Отсюда, как я надеялся, до покойников не донеслись бы звуки учащенного биения моего сердца и дыхание страха.

В кромешной темноте я ощупывал руками все вокруг в поисках дополнительного укрытия и, наконец, зарылся в куче пустых затхлых мешков. Лежать было неудобно. Подо мной были сложены какие-то кирпичи, больно врезавшиеся в спину, но я и не думал шевельнуться, зная, что мертвецы, вот-вот начнут искать меня. Я оказался прав! Вскоре снаружи раздались удары. Дверь заскрипела, зашаталась, но не поддавалась. Шум продолжался около минуты и, наконец, стих. Но выходить до наступления рассвета я не собирался. Нужно было найти какое-нибудь оружие, и в моих руках сам собой оказался один из причинявших неудобство кирпичей. Ночь еле тянулась, я мучительно ждал рассвета и только, когда первые лучи солнца проникли внутрь моего убежища, осторожно выглянул наружу. Опасности не было. С рассветом покойники, как и предполагалось, исчезли, но жители Старых Хуторов все еще отсиживались в своих домах. Я больше не собирался испытывать судьбу. «Бежать! Бежать, как можно быстрее!» – одна эта мысль вертелась в моей голове. Я швырнул на землю ненужный теперь кирпич, и желтый металл неожиданно сверкнул среди осенней грязи сибирского чернозема. Следовательно был совершенно прав! Это было золото! Я не являлся специалистом по драгоценным металлам, но все равно понял, что это мой смертный приговор. Трудно было предположить, что Измestьевы, Горюновы и Бирюковы позволят кому-либо еще знать о главном их секрете.

Опасаясь быть замеченным, я перебежками приблизился к лежавшему на крыше джипу, все еще наивно надеясь найти Андреева живым. Но чуда не случилось. Оставался еще один шанс на спасение и я, что есть силы, побежал на кладбище, где к моему удивлению опять ничто не напоминало о чудовищной ночи. «Уазик» Корниенко терпеливо стоял на месте, ожидая возвращения хозяина. Ключ торчал из замка зажигания. Это был мой шанс! Не считая минут и километров, я безжалостно погнал автомобиль по ухабам, бросив его, как только показалась дорога, по которой несколько дней назад приехал на автобусе. Разум мой был холоден, и не имелось никакого желания после всего пережитого получить еще и обвинение в убийстве участкового или угоне его автомобиля. Вскоре меня подобрал грузовик, водитель которого на счастье был неразговорчив, и я в полном молчании доехал до районного города, откуда первым попутным поездом отправился подальше от проклятого места.

Глава 9. Ещё один Андреев

В областном центре жизнь текла своим чередом. Люди привычно не работали в будний день, шатаясь по рынкам и магазинам, а перманентная пробка возле вокзала создавала ирреальное ощущение после бесконечной, свободной степи.

Сойдя с поезда, я сразу же отправился в прокуратуру. Не очень дружелюбная секретарша без особого интереса выслушала мой наполненный яркими красками рассказ, но все же позволила побеседовать с одним из следователей. В кабинете меня ожидал новый сюрприз.

– Входите! Присаживайтесь! – дежурно вежливо приветствовал меня молодой и худощавый мужчина в синей форме. – Меня зовут Сергей Николаевич, фамилия – Андреев. Я следователь областной прокуратуры. Слышал, у вас есть нечто любопытное для меня.

Подобное начало обескуражило настолько, что я, казалось, позабыл, зачем пришел сюда. Вырвалось только:

– Скажите, а в прокуратуре работает еще один Сергей Андреев?

– Странный вопрос, – ответил, не улыбувшись, следователь. – Сотрудников здесь не так уж и много, поэтому о полном тезке я бы знал точно.

В этот момент я почувствовал, как что-то оборвалось внутри меня. Придти в прокуратуру со стройной версией о разорванном на куски восставшими мертвецами следователе, который и не погибал, а сидел передо мной, означало прямой путь в психушку. Что я еще мог предъявить? Участкового, убитого покойниками? Невесть как погибшего священника? Таинственный обряд моих родственников? Проходимца, называвшегося именем следователя прокуратуры? Что оставалось делать мне? Извиниться и выйти.

– Что? Так и будете молчать? – прервал мои тягостные раздумья сотрудник прокуратуры. – Или говорите, или не отнимайте рабочего времени.

Нужно было что-то говорить, и я робко начал, надеясь, что мысль придет сама во время беседы.

– Сергей Николаевич, кажется, я обнаружил банду контрабандистов!

– Контрабандистов? – на равнодушном лице следователя не появилось ни следа интереса. – Вы ведь из Петуховского района вернулись?

– Да.

– Ну вот, контрабандистов на границе всегда много. Другой вопрос, что тащат?

– Золото! – выдохнул я.

– Золото? Это уже интереснее, продолжайте! Не волнуйтесь! Продолжайте.

Минут двадцать он внимательно, не перебивая, слушал мой рассказ. Я не утаил практически ничего, правда, стараясь не акцентировать внимание на различных мистических странностях. Только когда я дошел до обстоятельств гибели его двойника, следователь на мгновение улыбнулся, а после упоминания о золотых запасах в погребке, прервал меня.

– Все интересно, конечно. Но возбудить дело только на основании вашего рассказа прокуратура не сможет.

– Как не сможет? – искренне возмутился я.

– Сигналов об исчезновении участкового не поступало, а такие дела всегда направляются к нам. Сергей Андреев, как это ни прискорбно, напротив вас, живой и невредимый. Так что будем ждать сигнала.

– А золото?

– Так, если бы убегая из деревни, вы прихватили кусочек, тогда бы и основание присутствовало для проверки.

– Есть основание!

– Какое?

– Одежда, в которой я прятался в погребке, все еще на мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.